

Москва 1835 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРАТЫНСКАГО.

Часть I.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

А. С. VIII $\frac{4}{13}$

300
176

124

НО СТЬ ВО
Москва 1835 года.

СТИХОТВОРЕНИЯ

БАРАТЫНСКАГО.

Часть I.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

ИЗЪ КНИГЪ
ГРАФИНИ
АННЫ СЕРГѢВНЫ
ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

№ 587. шк. IV. п. 7

ИМПЕРАТОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА №

А. С. VIII $\frac{4}{13}$

17300
676

На отъезд
Москва 1835 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРАТЫНСКАГО.

Часть I.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРАТЫНСКАГО.

Е: А: БАРАТЫНСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евгенія Баратынскаго.

~~~~~  
**Часть I.**  
~~~~~


МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургичес. Академіи.

❖❖❖
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ пѣмъ , чшобы по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, 7 Марта, 1833 года.

Ценсоръ Никита Бутырскій.

II.

ФИНЛЯНДІЯ.

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца ,

Гранишы Финскія, гранишы вѣковые ,

Земли ледянаго вѣнца

Богашыри спорожевые.

Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ

Громадамъ, міру современнымъ :

Подобно имъ да будешь онъ

Во всѣ години неизмѣннымъ !

Какъ все вокругъ меня плѣняешь чудно взоръ !
 Тамъ , необъясними водами ,
 Слилося море съ небесами ;
 Тупь съ каменной горы , къ нему дремучій боръ
 Сошеть тяжелыми снопами,
 Сошеть—и сморшися въ зеркалѣ гладкихъ водъ !
 Ужь поздно , день погасъ ; но ясенъ неба сводъ ,
 На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходишь
 И только что себѣ въ уборъ
 Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
 На небосклонъ она выводишь !
 Такъ вошь опечесиво Одиновыхъ дѣшей ,
 Грозы народовъ опдаленныхъ !
 Такъ эшо колыбель ихъ безпокойныхъ дней ,
 Разболямъ громкимъ посвященныхъ !

 Умолкъ призывный щипъ , не слышенъ Скальда гласъ ,
 Воспламененный дубъ угасъ ,
 Развѣялъ буйный вѣтръ поржешвенные клики ;
 Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ опцовъ ;
 И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
 Лежашъ низверженные лики !
 И все вокругъ меня въ глубокой шини !
 О вы , носившіе опъ берега къ берегу бои ,

Куда вы скрылися, полночные герои?

Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной спранѣ.

Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,

Плывете въ облакахъ шуманною полной?

Вы-ль? дайше мнѣ опвѣшь, услышите голосъ мой,

Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.

Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!

Какъ опдѣлились вы отъ каменной опчизны?

Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочишалъ

На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?

И вы сокрылися въ обипели шѣней!

И ваши имена не пощадило время!

Что-жь наши подвиги, что слава нашихъ дней,

Что наше вѣшренное племя?

О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣшь!

Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,

Во всемъ мнѣ слышишся шайншвенный привѣшь

Обѣшованнаго забвенья!

Но я, въ безвѣспности, для жизни жизнь любя,

Я беззабошливый душою

Воспрепещу-ль передъ судьбою?

Не вѣчный для времянь, я вѣчень для себя:

Не одному-ль воображенью

Гроза ихъ что-то говоришь?
Мгновенье мнѣ принадлежишь,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племень?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами;
Я, не внимаемый, довольно награждень
За звуки звуками, а за мечшы мечшами.

III.

Порою ласковую Фею
Я вижу въ обаяньи сна,
И всей наукою своею
Служишь гопова мнѣ она.
Душой обманушой ликуя,
Мои мечпы ей лепечу я ;
Но что-же ? спрашно и во снѣ
Непокупное счастье мнѣ :
Всегда дарамъ своимъ предложишь
Условье нѣкое она ,
Кошорымъ, злобно смышлена ,
Ихъ оправивъ иль уничижишь.
Знашь , самымъ духомъ мы рабы
Земной насмѣшливой судьбы ;
Знашь , міру явному дополѣ
Нашъ бѣдный умъ порабощонъ ,
Что переносишь по неволѣ
И въ міръ мечпы его законъ.

III.

Завыла буря ; хлябь морская
Клокочешъ и ревешъ , и черные валы
Идушъ , до неба возспавая ,
Бьюшъ , гнѣвно пѣняся , въ прибрежныя скалы.

Чья непріязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгусшила въ шучи облака
И на краю небесъ ненасшье зародила ?
Кшо возмушивъ природы чинъ ,
Горами влажными на землю гонишь море ?

.

Когда придешь желанное мгновенье ,
 Когда волнамъ швоимъ я ввѣрюсь , океанъ ?
 Но знай : красой далекихъ спранъ
 Не очаровано мое воображенье.
 Подъ небомъ лучшимъ обрѣши
 Я лучшей доли не съумѣю ;
 Вновь не смогу душой моею
 Въ краю цвѣшущемъ разцвѣсти.
 Межъ шѣмъ опъ прихоши судьбины ,
 Межъ шѣмъ опъ медленной опоры бышя
 Въ покоѣ раболѣпномъ я
 Ждашь не хочу своей кончины ;
 На яросныхъ волнахъ , въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ ,
 Она ошрадиѣ гордынѣ человѣка !
 Какъ жаждаль радостей младыхъ
 Я на зарѣ младаго вѣка ,
 Такъ нынѣ , океанъ ! я жажду бурь швоихъ.
 Волнуйся , воспавай на каменныя грани ;
 Опъ веселишь меня , швой грозный , дикій ревъ ,
 Какъ зовъ къ давно-желанной брани ,
 Какъ мощнаго врага миѣ чѣмъ-шо лесшнй гнѣвъ.

IV.

Я возвращуся къ вамъ , поля моихъ ошцовъ ,
 Дубравы мирныя , священный сердцу кровь !
 Я возвращуся къ вамъ , домашнія иконы !
 Пускай другія чшуть приличія законы ;
 Пускай другіе чшуть ревнивый судъ невѣждъ ;
 Свободный наконецъ ошъ суетныхъ надеждъ ,
 Ошъ безпокойныхъ сновъ , ошъ вѣтреныхъ желаній ,
 Испивъ безвременно всю чашу испытаній ,
 Не призракъ счастья , но счастье нужно мнѣ .
 Успалый пруженикъ , спѣшу къ родной спранѣ
 Заснушь желаннымъ сномъ , подъ кровлею родимой .
 О домъ опеческій ! о край всегда любимой !
 Родныя небеса ! невзучный голось мой ,
 Въ сшихахъ задумчивыхъ , васъ пѣлъ въ спранѣ чужой ,
 Вы мнѣ повѣете покойшвіемъ и счастьемъ .
 Какъ въ приспанипловець , испытанный ненашьемъ ,
 Съ улыбкой слушаешь , надъ бездною возсѣвъ ,
 И бури грозный свисшъ и волнь мяшежный ревъ ;

Такъ , небо не моля о почестяхъ и златѣ ,
 Спокойный домохъдъ , въ моей безвѣстной хатѣ ,
 Укрывшись опъ шолпы взыскашельныхъ судь ,
 Въ кругу друзей своихъ , въ кругу семьи своей ,
 Я буду издали глядѣшь на бури свѣша .
 Нѣшь , нѣшь , не опмѣню священнаго объша !
 Пускай лешишь къ шапрамъ безпренешный герой ;
 Пускай кровавыхъ бишвъ любовникъ молодой
 Съ волненемъ учишся , губя часы злашые ,
 Наукъ размѣряшь окопы боевые :
 Я съ дѣшства полюбилъ сладчайшіе шруды .
 Прилежный , мирный плугъ , взрывающій бразды ,
 Почщеннѣ меча ; полезный въ скромной долѣ ,
 Хочу воздѣлывать опеческое поле .
 Орашай , вешкихъ дней досшигшій надъ сохой ,
 Въ забошахъ сладостныхъ насшавникъ будешъ мой ;
 Мнѣ дряхлаго опца сыны шрудолюбивы
 Помогущъ упучняшь наслѣдшвенныя нивы .
 А шы , мой спарый другъ , мой вѣрный доброхошъ ,
 Усердный пещунъ мой , шы , первый огородъ
 На опческихъ поляхъ разведшій въ дни былые !
 Ты поведешъ меня въ сады свои гущшые ,
 Деревьевъ и цвѣшовъ расскажешъ имена ;
 Я самъ , когда съ небесъ роскошная весна

Повѣшь нѣгою воскреснувшей природѣ ,
 Съ тяжелымъ засшупомъ явлюся въ огородѣ ;
 Приду съ шобой садишь коренья и цвѣшы .
 О подвигъ благоспный! не щепенъ будешь ты :
 Богиня пажисей признашельнѣй форшуну !
 Для нихъ безвѣспный вѣкъ , для нихъ свирѣль испруны ;
 Онѣ досшупны всѣмъ , и мнѣ за легкїй шрудъ
 Плодами сочными обильно воздадушъ .
 Ошъ грядъ и засшупа спѣшу къ полямъ и плугу ;
 А шамъ , гдѣ ручеекъ по бархашному лугу
 Кашишь задумчиво пусшынныя спруи ,
 Въ весеннїй ясный день , я самъ , друзья мои ,
 У брега насажу лѣсокъ уединенный ,
 И липу свѣжую и шополь осребренный ;
 Въ шѣни ихъ ошдохнешъ мой правнукъ молодой ;
 Тамъ дружба нѣкогда сокроешь пецель мой ,
 И вмѣсто мрамора , положишь на гробницу
 И мирный засшупъ мой и мирную цѣвницу .

V.

Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель ,
 Ты былъ-ли , о свободный Римъ ?
 Къ нѣмымъ развалинамъ своимъ
 Подходишь съ грустію ихъ чуждый навѣститель.

За что упрасилъ ты величье прежнихъ дней ?
 За что, державный Римъ ! тебя забыли боги ?
 Градь пышный , гдѣ твои чертоги ,
 Гдѣ сильные твои ? о родина мужей !

Тебѣ-ли измѣнилъ побѣды мощный Геній ?
 Ты-ль на распушіи время
 Стоишь въ позорище племень ,
 Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?

Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ ?
 Судьбы-ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
 Или, какъ призракъ—обвинитель ,
 Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ ?

VI.

О счастіи съ младенчества поскоя,
 Все счасъемъ бѣденъ я,
 Или во вѣкъ его не обрѣшу я
 Въ пусшынѣ бышія?

Младые сны ошъ сердца ошлешѣли,
 Не узнаю я свѣщъ;
 Надеждъ своихъ лишень я прежней цѣли,
 А новой цѣли нѣшь.

Безумень шы и всѣ швои желанья:
 Миѣ шайный голось рекъ;
 И лучшія мечшы моеи созданья
 Ошвергнуль я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренъе
 Свершилось не вполнѣ?
 Зачѣмъ-же въ ней слѣпое сожалѣнъе
 Живешъ о шаринѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ ропшаньемъ
 Я шяжкій жребій свой ,
 Вдругъ Истину (по не было мечшаньемъ)
 Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣшильникъ мой укажешь путь ко счастью !
 (Въщала) захочу
 И страшнаго оспрадному безстрашью
 Тебя я научу.

«Пускай со мной пы сердца жаръ погубишь ,
 Пускай, узнавъ людей,
 Ты , можешь бышь, испуганный разлюбишь
 И ближнихъ и дlvзей.

« Я бышія всѣ прелести разрушу ,
 Но умъ насшавлю швой ,
 Я оболю суровымъ хладомъ душу ,
 Но дамъ душѣ покой.»

Я прешпалъ, словамъ ея внимая,
 И горешно въ ошвѣшъ
 Промолвилъ ей : о гощья не-земная !
 Печалень швой привѣшъ.

Свѣшильникъ швой—свѣшильникъ погребальный

Послѣднихъ благъ моихъ !

Твой миръ, увы ! могилы миръ печальный ,

И страшень для живыхъ.

Нѣшь, я не швой ! въ швоей наукѣ строгой

Я счастья не найду;

Покинь меня : кой-какъ моей дорогой

Одинъ я побреду.

Просни ! иль нѣшь : когда мое свѣшило

Во звѣздной вышинѣ

Начнешь блѣднѣшь и все , что сердцу мило ,

Забьшь придется мнѣ ,

Явись тогда ! раскрой тогда мнѣ очи ,

Мой разумъ просвѣши :

Чшобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обияшель ночи

Безропно сойдши.

VII.

Наслаждайшесь : все проходишь!
 То благой , шо снрогой къ намъ ,
 Своенравно рокъ приводишь
 Нась къ ушѣхамъ и къ бѣдамъ.
 Чуждъ онъ долгаго приспрасья :
 Вы , чья жизнь полна красы ,
 На лешу ловите счастья
 Ненадежные часы.

Не ропщете: все проходишь,
 И ко счастью иногда
 Не ожиданно приводишь
 Нась суровая бѣда.
 И веселью , и печали ,
 На измѣнчивой землѣ ,
 Боги праведные дали
 Одинакіе крылѣ.

VIII.

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными :
О ! въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣшися !
И если прекрасная
Съ любовію шомною
На миломъ покоишь ихъ ,
Онъ мирно блаженспвуешь ,
Во вѣкъ не смушишь его
Сомнѣнье мяшежное.
И кто не довѣрился
Сіянью ихъ чистому ,
Эфирной ихъ прелесши ,
Небесной души ея
Небесному знаменью ?

Спрашна мнѣ, друзья мои,
Краса черноокая ;

За темной завѣсою
Душа ея кроешся,
Любовникъ пылаешъ къ ней
Любовью шревною
И взорамъ двусмысленнымъ
Не смѣешъ довѣришься.
Какой-шо недобрый духъ
Качалъ колыбель ея:
Одѣлася пьмой она,
Вспылала причудою,
Закралося въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго.

IX.

ЛЕТА.

Душь холодныхъ упованье ,
Непріязненный ручей ,
Чье докучное журчанье
Улыпляешь Элизей !
Такъ ! доспойшь ты укора :
Для чего въ твоихъ водахъ
Погибаешь безъ разбора
Памяшь горестей и благъ ?
Прочь съ нещаднымъ ушѣшеньемъ !
Я минувшее люблю
И во вѣкъ ушѣхъ забвеньемъ ,
Муку забвенья не куплю.

X.

Разспались мы ; на мигъ очарованьемъ ,
На крапкѣй мигъ была мнѣ жизнь моя ;
Словамъ любви внимаешь не буду я ,
Не буду я дышатьъ любви дыханьемъ !
Я все имѣлъ , лишился вдругъ всего ;
Лишь началъ сонъ исчезло сновидѣнье !
Одно шеперь унылое смущенье
Осталось мнѣ оиъ счастья моего .

XII.

Къ чему невольнику мечшанія свободы?
 Взгляни: безропшно шекушь рѣчныя воды
 Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
 Ель величавая стоишь гдѣ возрасла,
 Невластная сойдши. Небесныя свѣшила,
 Назначеннымъ пушемъ, невѣдомая сила
 Влечешь. Бродячій вѣшрь неволенъ, и законъ
 Его лешучему дыханью положень.
 Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
 Мяшежныя мечшы смиримъ или позабудемъ;
 Рабы разумныя, послушно согласимъ
 Свои желанія со жребіемъ своимъ,
 И будешь счастлива, спокойна наша доля.
 Безумецъ! не она-ль, не вышняя-ли воля
 Даруешь спрасши намъ? . . .
 О, шагосшна для насъ.
 Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною,
 И въ грани узкія вѣсненна судьбою.

XIII.

Разсѣиваешь грусть веселый шумъ пировъ ;
 Вчера, за чашей круговою ,
 Въ семействѣ дружескомъ сорашныхъ шалуновъ
 Мечшаль воскреснушь я душою.

Туманъ полуночный на холмы возлегаль ,
 Шапры надъ озеромъ дремали ,
 Лишь мы не знали сна—и гнѣисный фіаль
 Съ весельемъ буйнымъ осушали.

Но что-же? виѣ себя я щещно жишь хошѣль :
 Вино и Вакха мы хвалили ;
 Но я безрадосно съ друзьями радоснь пѣль :
 Восшорги ихъ мнѣ чужды были.

Того не приобрѣсшь , что сердцемъ не дано ,
 Всесильнымъ собшвенною силою ;
 Одну печаль свою , уныніе одно
 Способень чувшвовашь унылой !

XIII.

ПѢСНЯ.

Спрашно воешь , завываешь
Въшьрь осенній ;
По поднебесью далече
Тучи гонишь .

На часахъ споишь печалень
Юный рапникъ ;
Онъ уносишся за ними
Грусной думой .

О , куда , куда васъ , пучи ,
Въшьрь гонишь ?
О , куда ведешь судьбина
Горемыку ?

Точно жишь мнѣ: мать родную

Я покинулъ !

Точно жишь мнѣ: съ милой сердцу

Я распался.

« Не грусти ! » душа дѣвица

Мнѣ сказала.

« За себя молишься будешь

Другъ швой вѣрный. »

Чшо въ молишвахъ ? я въ чужбинѣ

Дни скончаю.

Возвращусь-ли ? взоръ швой друга

Не признаешь.

Не видашь въ лицо мнѣ счастья.

Жишь на чшо мнѣ ?

Дай приюшь, земля сырая ,

Разспупись.

Онъ поешь ; никшо не слышишь

Словъ печальныхъ. . . .

Ихъ разносишь , заглушаешь

Вѣшеръ бурный.

XIV.

Приманкой ласковыхъ рѣчей
 Вамъ не лишись меня разсудка!
 Конечно, многихъ вы милѣй,
 Но васъ любишь плохая шушка!

Вамъ не нужна любовь моя,
 Не слишкомъ заняты вы мною,
 Не нѣжность, прихоть вашу я
 Признаньемъ спрасшнымъ успокою.

Вамъ дорогъ я, швердише вы,
 Но лишній плѣнникъ вамъ дороже,
 Вамъ очень милъ я, но увы!
 Вамъ и другіе милы поже.

Съ полпой соперниковъ моихъ
 Я состязашься не дерзаю,
 И превосходной силѣ ихъ
 Безъ бивы поле уступаю.

XV.

ПАДЕНЬЕ ЛИСТЬЕВЪ.

Желшълъ печально знакъ полей ,
 Брега взрывалъ испочникъ мушной ,
 И голосистый соловей
 Умолкнулъ въ рошѣ безпріюшной.
 На преждевременный конецъ
 Суровымъ рокомъ обреченный ,
 Прощался шакъ молодой пѣвецъ
 Съ дубравой сердцу драгоцѣнной :

« Судьба исполнилась моя ,
 « Проси, убѣжище драгое !
 « О прорицанье роковое !
 « Твой страшный голосъ помню я : »
 — Гошовся , юноша несчастной !
 Во мракъ осени ненастной
 Глубокій мракъ тебѣ грозить ;
 Ужь онъ зялетъ изъ Эрева ,

Послѣдній листь падешъ со древа ,
 Твойъ часъ послѣднійъ прозвучишь !
 « И вяну я : лучи дневные
 « Вседневно шагче для очей ;
 « Вы улешѣли , сны зланыя ,
 « Минушной юности моеѣ !
 « Покину , все что сердцу мило .
 « Ужь мглою небо обложило ,
 « Ужь позднихъ вѣтровъ слышенъ свисъ
 « Что медлишь ? время наступило :
 « Вались , вались поблекшій листь !
 « Судьбѣ прошивишься безсильный ,
 « Я жажду ночи гробовой ,
 « Вались , вались ! мой холмъ могильный ,
 « Ошь грустной матери сокрой !
 « Когда-жь вечернею порою
 « Къ нему пусыниною пропою ,
 « Вдоль незабвеннаго ручья ,
 « Придешъ поплакашь надо мною
 « Подруга нѣжная моя :
 « Твой легкой шорохъ въ чушкѣ сѣни ,
 « На берегахъ Спигійскихъ водъ ,
 « Моей обрадованной шѣни ,
 « Да возвѣспишь ея приходъ ! »

Сбылось ! Увы ! судьбины гнѣва
Покоршвомъ бѣдный не смягчилъ ,
Послѣдній листь упалъ со древа ,
Послѣдній часъ его пробилъ .
Близъ роши поѣ его могила !
Съ кручиной пѣжкою своей ,
Къ ней часо маперъ приходила
Не приходила дѣва къ ней !

XVI.

Любви примѣшы
Я не забыль ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣшы !
Въ ней говоришь
И жарь ланишь
И вздохъ случайной
О ! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови пайной !
Въ душѣ швоей
Ужь нѣшь покоя ;
Давнымъ давно я
Чишаю въ ней :
Любви примѣшы
Я не забыль ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣшы !

XVII.

Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, пы
 Игрою любви и сладоспращья
 Исполнишь силишься мучительной мечпы
 Недосягаемаго счасья?
 Я видѣлъ вокругъ себя поклонниковъ швоихъ,
 Полуиссохшихъ въ спрасси жадной:
 Досстигнувъ ихъ любви, любовнымъ кляшвамъ ихъ
 Внимаешь пы съ улыбкой хладной.
 Обманывай слѣпцовъ и смѣйся ихъ судьбѣ:
 Теперь душа швоя въ покоѣ;
 Придешься нѣкогда, извѣдашь и шебѣ
 Очарованье роковое!
 Не опасайся насмѣшливыхъ съшей,
 Бышь можешь, избранный шобою
 Уже не ввѣришься огню любви швоей,
 Не шронешься ея шоскою.
 Когда-жь пора придешь, и розы красомы,
 Вседневно свѣжесшью бѣднѣя,
 Ч. I.

Погибнуть , опивъчай: къ чему прибѣгнешь ты,
Къ чему безчарная Цирцея ?
Искусствомъ округлишь ты высохшую грудь ,
Худыя щеки нарумянишь ,
Душа крылатое захочешь , какъ нибудь ,
Вновь приманишь Но не приманишь !
Въ замѣну сновъ молодыхъ тебѣ не обрѣси
Покоя , позднихъ лѣшь отрады ,
Куда-бы ни пошла , взроясь на пуши
Самолюбивыя досады !
Немирнаго душой , на мирномъ ложѣ сна ,
Такъ убѣгаешь усыпленье ,
И гдѣ для каждаго доспужна шишина ,
Сспрадальца ждешь одно волненье .

XVIII.

Когда-бъ избрать возможно было мнѣ
Любой удѣлъ , любое счастье въ мѣрѣ,
Я-бъ не хотѣлъ бытъ славнымъ на войнѣ ,
Я-бъ не хотѣлъ играть на громкой лирѣ ,
Я злѣша-бы себѣ не пожелалъ ;
Но блага всѣ единымъ именуя,
То , дайше мнѣ , Богомъ-бы я сказалъ ,
Чѣмъ Д. понравиться могу я.

XIX.

Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
 Товарищъ радостей минувшихъ,
 Товарищъ ясныхъ дней, не давно надо мной
 Мечшой веселою мелькнувшихъ?

Ужель душѣ швоей шакъ скоро чуждымъ спашь
 Другъ оплученный, другъ далекой,
 На Финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ,
 Бродящій съ грушью одинокой?

Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
 Лишь мнѣ чувспвишельна ушраша,
 Ужель не ищешь ты въ кругу своихъ друзей
 Судьбой опшорженнаго брата?

Ты помнишь-ли шѣ дни, когда рука съ рукой,
 Пылая жаждой сладострашья,
 Мы жизни ввѣрились и общемою шропой
 Помчались за мечшою счасъ башь?

«Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!»

За полной чашей мы швердли ,
И весело въ спруяхъ блестящаго вина ,
Забвенье сладостное пили.

И вошь сгустилась ночь и все въ глубокомъ снѣ —
Лишь дышешь влажная прохлада ;
На спогнахъ пишина ! сіяють при лунѣ
Дворцы и башни Петрограда.

Къ знакомцу доброму спучишься Кушидонъ ,
Пусть дремлешь шруженикъ усалый !
« Проснися , юноша , ошвергни » шепчешь онъ ,
« Покой безчувственный и вялый.»

« Взгляни ! ты видишь-ли : покинувъ ложе сна ,
« Передъ окномъ , полу-одѣша ,
« Томленья спрасшнаго въ душѣ своей полна ,
« Счастливица ждешь моя Лилеша ? »

Толпа безумная ! напрасно рощешь ты !
Блажень , кто легкою рукою
Весной умѣль срываешь весенніе цвѣтны
И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою ;

Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
 И равнодушiемъ богашый ,
 За царство не опдаспъ покоя сладкiй мигъ
 И наслажденья мигъ крылашый !

Давно румяный Фебъ прогналь ночную шѣнь ,
 Давно проснулись заботы ,
 А баловня забавъ еще покоишь лѣнь
 На ложѣ нѣги и дремошы.

И Лила спишь еще : любовiю горяшь
 Младья свѣжiя ланишы ,
 И мнишья поцѣлуй сквозь шонкiй сонъ манишь
 Ея уста полу-открышы.

И гдѣ-жь берега Невы? гдѣ чашъ веселый спукъ?
 Забышь друзьями другъ заочной ,
 Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ ,
 Какъ блескъ зарницы полуночной!

И я , пѣвецъ ушѣхъ , пою ушрашу ихъ ,
 И вокругъ меня скалы суровы
 И воды чуждыя шумяшь у ногъ моихъ
 И на ногахъ моихъ оковы.

XX.

Желанье счастья въ меня вдохнули боги :
Я требовалъ его ошь неба и земли ,
И въ слѣдъ за призракомъ , манящимъ издали ,
 Жизнь перешель до поль-дороги ;
Но прихошямъ судьбы я болѣ не служу :
Счастливыи опдыхомъ , на счастье похожимъ ,
Ошнынъ съ рубежа на поприще гляжу
 И скромно кланяюсь прохожимъ.

XXI.

Мнѣ съ упоеніемъ замѣшнымъ
 Глаза поднѣшь на васъ бѣда:
 Вы ихъ вспрѣчаеши всегда
 Съ лицомъ сердишымъ, непривѣшнымъ.
 Я полонъ спрасшию шоской,
 Но нѣшь! разсудка не забуду
 И на нескромный пламень мой
 Ошвѣша шребовашъ не буду.
 Не шершишь Богъ молодыхъ проказъ,
 Ланишь увядшихъ, впалыхъ глазъ:
 Надежды были-бы напрасны
 И къ вамъ не ими я влекомъ.
 Любуюсь вами какъ цвѣшкомъ,
 И счаспливъ шѣмъ что вы прекрасны.
 Когда я въ очи вамъ гляжу,
 Предавшись нѣжному шомленью,
 Слегка о прошломъ я шужу,
 Но радъ что сердце нахожу

Еще способнымъ къ упоенью.
 Межь мудрецами былъ чудакъ :
 « Я мыслю » пишешь онъ , « и шакъ
 Я несомнѣнно сущесввую. »
 Нѣшь ! любишь шы , и пошому
 Ты сущесввуешь : я пойму
 Скорѣ испину шакую.
 Огнемъ похищеннымъ съ небесъ
 Япешовъ сынъ , гласишь преданье,
 Одушевилъ свое созданье ,
 И наказаль его Зевесъ.
 Неумолимый , Промешя
 Къ скаламъ Кавказа приковаль ,
 И сердце вранъ ему клеваль ;
 Но что-жь ? несчастнаго жалѣя ,
 Кшо на Зевеса не ропшаль !
 Въ огнѣ волшебныхъ вашихъ взоровъ
 Я заняль сердца бышіе :
 Вашъ гнѣвъ доспойнѣ укоровъ ,
 Чѣмъ дерзновеніе мое ;
 Но нѣшь , ушѣшьшесь , шупка водишь
 Моимъ проказливымъ перомъ :
 Я захожу въ вашъ милый домъ ,
 Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходишь

Душою праздный съ давнихъ поръ ,
Еще швержу любовный вздоръ ,
Еще беру прельщенья мѣры ,
Какъ по привычкѣ прежнихъ дней ,
Онъ аромашы сжешь безъ вѣры
Богамъ чужимъ душъ своей.

XXII.

ЦВѢТОКЪ.

Съ восходомъ солнечнымъ Людмила
Сорвавъ себѣ цвѣшокъ ,
Куда-то шла, и говорила
« Кому ошдамъ цвѣшокъ ?

« Чшо шоропишься ? мнѣ-ль наскучишь
Лелеяшь свой цвѣшокъ ?
Нѣтъ ! недосгойный не получишь
Душистый мой цвѣшокъ. »

И говорилъ ей каждый встрѣчный :
Прекрасень швой цвѣшокъ !
Мой милый другъ, мой другъ сердечный ,
Ошдай мнѣ швой цвѣшокъ.

Она въ ошвѣтъ: « сама я знаю ,
 Прекрасенъ мой цвѣшокъ ;
 Но не шебѣ, и это знаю ,
 Другому мой цвѣшокъ. »

Красою яркой день сіяешь :
 У дѣвушки цвѣшокъ ;
 Вопгь полдень, вечеръ наступаетъ:
 У дѣвушки цвѣшокъ !

Идешь. Услава повспрѣчала :
 Онъ прелеснью цвѣшокъ.
 « Ты милъ !— она ему сказала, —
 Возми-же мой цвѣшокъ ! »

Онъ что-же дѣвѣ ? Онъ спесиво :
 На что мнѣ швой цвѣшокъ ?
 Ты мнѣ даришь его; не диво :
 Увянуль швой цвѣшокъ.

XXIII.

Чшо пользы вамъ опъ шумныхъ вашихъ преній ?
Кишишь война ; но чшо же ? никому
Побѣды нѣшь ! Сказашь-и почему ?
Ни у кого ни мысли нѣшь , ни мнѣній.
Хошите-ли , чшобы народный гласъ
Могъ увѣнчашь кого нибудь изъ васъ ?
Чѣмъ холосшой словесной переспрѣлкой
Морочишь свѣшь и множишь пуспяки ,
Порадуйте насъ дѣльной раздѣлкой :
Благословясь , схвашишь за виски.

XXIV.

Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ
Я искушалъ ее сначала :
Она словамъ моимъ внимала
Съ шупымъ безмысленнымъ лицомъ.
Въ ней разбудишь огонь желаній
Еще надежду я хранилъ
И сладострасныхъ лобызаній
Языкъ живой упошребилъ. . . .
Она глядѣла шакже шупо ,
Потомъ разгнѣвалась глупо.
Бѣги за нею модный свѣтъ,
Плѣняйся дѣвой идеальной ,
Владѣю тайной я печальной:
Ни сердца въ ней, ни пола нѣтъ.

XXV.

ЯЗЫКОВУ.

Бывало , свѣшь позабывая
 Съ побою счастливымъ пѣвцомъ ,
 Твоя Камена молодая
 Вѣнчалась гроздемъ и плющемъ
 И пѣсни вѣщренныя пѣла ,
 И къ ней , безумна и слѣпа ,
 То , увлекаясь пламенѣла
 Любовью грубою шолпа,
 То , на свободныя напѣвы
 Сердяся въ ханжешствѣ шупомъ ,
 Она ругалась чудной дѣвы
 Ей непоняшнымъ Божешвомъ.
 Во взорахъ пламень вдохновенья ,
 Огонь воспорга на щекахъ ,
 Быль жарь хмѣльной въ ея глазахъ

Или румянецъ вожделеня.
Она высоко рождена ,
Ей много славы подобаешь :
Лишь для любовника она
Нарядъ Менады надѣваешь ;
Яви-жь, яви ее скорѣй
Пѣвецъ, въ достойномъ блескѣ міру :
Наперсницѣ души швоей
Дай діадиму и порфиру ;
Державный санъ ея ошкрой ,
Да изумишь своею красой ,
Да величавый взоръ смущаешь
Ея злословнаго судью ,
Да въ ней хулишель швой познаешь
Мою царицу и свою.

XXVI.

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
 Тебя, мой другъ, увижу я!
 Скажи: воспоргомъ ожиданья,
 Чшо-жь не шрепещешь грудь моя?
 Не мнѣ рошпашь; но дни печали,
 Бышь можешь, поздно миновали:
 Съ шоской на радость я гляжу,
 Не для меня ея сіянье,
 И я напрасно упованье
 Въ больной душѣ моей бужу.
 Судьбы ласкающей улыбкой
 Я наслаждаюсь не вполнѣ:
 Все мнишся, счаспливъ я ошибкой
 И не къ лицу веселье мнѣ.

XXVII.

Перелетай къ веселью ошь веселья ,
Какъ ошь цвѣшка бѣжишь къ цвѣшку дитя ;
Не уснѣвай , за суешой бездѣля ,
Задумашься , подумашь и шушя .
Пускай шебя къ Коринамъ не причислять ,
Играй , мой другъ , играй , и вѣрь мнѣ въ помъ ,
Чшо многіе о милой Лизѣ мыслять ,
Когда она не мыслишь ни о чемъ .

XXVIII.

И шакъ, мой милый, не шузя,
 Сказавъ проспи домашней нѣгѣ,
 Ты усъ мечшательный круши,
 На шипко-скачущей пѣлегѣ,
 Опшъ насъ увы! далеко прочь
 О насъ, увы! не сожалѣя,
 Лешишь курьеромъ день и ночь
 Туда, шуда, къ шапрамъ Арея!
 И шакъ, въ мундирѣ щегольскомъ,
 Ты скоро спанешъ въ рашномъ спроѣ
 Межъ удалцами удалцомъ!
 О милый мой! согласенъ въ пошь:
 Завидно счастье шакое!
 Не приобщуся не впопадъ
 Я къ мудрецамъ чрезъ мѣру важнымъ;
 Иди! воиншвенный нарядъ
 Приличенъ юношамъ ошважнымъ.
 Люблю я бранные шашры,

Люблю безопасность полковую ,
Люблю красивые смошры ,
Люблю шревогу боевую ,
Люблю я храбрыхъ , воинъ мой ,
Люблю икъ видѣшь въ бившѣ шумной
Лешящихъ въ пламень роковой
Толпой веселой и безумной !
Священный долгъ за ними въ слѣдъ
Тебя зовешь , любовникъ брани ;
Сшупай , служи богинѣ бѣдъ
И къ ней шрепещущія длани
Съ мольбой подынешъ швой позшь.

XXIX.

Мила какъ Грація, скромна
 Какъ Сандрильона,
Подобно ей, красой она
 Достойна прона.
Пріяшна лира ей моя;
 Но что мнѣ въ эшомъ?
Быть Королемъ желалъ-бы я,
 А не Поэшомъ.

XXX.

Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ , безумцевъ насъ ,
Сновъ золошыхъ судьба благая
Даешъ извѣстный намъ запасъ ;
Насъ быспро годы почповые
Съ кормчы довозяшъ до кормчы
И снами шѣми пушевые
Прогоны жизни плашимъ мы.

XXXI.

Глупцы не чужды вдохновенья;
Имъ также пылкія мгновенья
Оно какъ геніямъ даришь;
Слешая съ неба, всѣ распеня
Равно весна живошворишь.
Что-жь эшо сходство знаменуетъ?
Что имъ глупецъ приобрѣшетъ?
Его капустою раздуешь,
А лавромъ онъ не расцвѣшетъ.

XXXII.

Когда неопытенъ я былъ ,
У красоны самолюбивой ,
Мечшашель слишкомъ прихопливой ,
Я за любовь любви молилъ ;
Я шрепешалъ въ поскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ:
Но щещно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ отвѣща и узнанья !
Огонь ушихъ въ моей крови ;
Покинувъ службу купидона ,
Я промѣнялъ сады любви
На верхъ безплодный Геликона.
Но свѣшлый міръ унылъ и пусшь
Когда душѣ ничшо не мило :
Руки пожашье замѣнило
Мнѣ поцѣлуй прекрасныхъ ушь.

XXXIII.

Г-ЧУ.

Врагъ суешныхъ ушѣхъ и врагъ ушѣхъ позорныхъ,
 Не уважаешь ты бездѣлокъ стихошворныхъ ;
 Не угодишь тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
 Развратной прелесью извѣженныхъ стиховъ :
 Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ.

Къ блестящимъ шалостямъ, какъ прежде, не привязанъ
 Я правиламъ своимъ послѣдовать-бы могъ ;
 Но ты-ли мнѣ велишь ославить мирный слогъ
 И, ѣдкой желчію напишывая шпроки ,
 Саширою возстаешь на глупость и пороки ?
 Миролюбивый нравъ дала судьбина мнѣ
 И счастья моего искалъ я въ шипинѣ ;
 Зачѣмъ я удалюсь отъ споль разумной цѣли ?

И звуки легкіе запѣливой свирѣли
 Въ неугомонный лай неловко превращая,
 Зачѣмъ себѣ враговъ надѣлаю шума?
 Спрашусь ихъ множеству и злобы ихъ опасной.

Полезенъ обществу саширикъ безприсрастной;
 Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
 На ихъ дурачество онъ жалуется имъ:
 То укоризнами возставъ на злодѣянье,
 Его приводитъ онъ въ благое содраганье,
 То ѣдкой силою забавнаго слова
 Смиряетъ пошыхи надушатаго глупца;
 Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.

Все такъ; но кто владѣтъ перомъ его доспоинъ!
 Оспрошь запѣливыхъ, насмѣшекъ ѣдкихъ даръ,
 Язвительныхъ стиховъ какой-то злобный жаръ
 И ихъ спарашельно подобранные звуки,
 За безприсрастіе забавные поруки!
 Но если полную свободу мнѣ дадутъ,
 Того-ль я успрашу, кому неспрашенъ судъ,
 Кто въ сердцѣ должнаго укора не находитъ,
 Кого и Божій гнѣвъ въ забашу не приводитъ,
 Кого не оскорбитъ язвительный языкъ!

Онъ совѣсь усыпиль, къ позору онъ привыкъ.

Но слушай: человекъ, всегда корыспи жадный,
 Берешся-ли за шрудъ навѣрно безнаградный?
 Купецъ разсчешливый изъ добрыхъ барышей
 Ввѣряешъ корабли случайноспямъ морей,
 Изъ плашы, опогнавъ сладчайшую дремошу,
 Поденьщикъ до зари выходишь на рабошу;
 На славу громкую надеждою согрѣшь,
 Въ шрудахъ возвышенныхъ, возвышенный поѣшь;
 Но рвеню моему, что будешъ воздаянемъ:
 Не слава-ль громкая? я бѣденъ дарованьемъ.
 Сшараясь въ нѣкій умъ соопщичей привесъ,
 Я благодарносъ ихъ мечшаль-бы пріобрѣсъ,
 Но право смысла нѣшъ во словѣ: благодарносъ,
 Хошь намъ и нравишся его высокопарносъ.
 Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
 Ошъ вѣка сихъ вельможъ осшавшійся одинъ,
 Но смѣло духъ его хранившій въ вѣкѣ новомъ,
 Обширный разумомъ и сильный, громкій словомъ,
 Любовью къ испинѣ и къ родинѣ горя,
 Въ совѣсахъ не робѣль оспоривашъ Царя,
 Когда прекрасному влеченію послушный,
 Внимашъ ему любилъ Монархъ великодушный,

Изъ благодарности, о немъ у шѣхъ и шѣхъ
 Какія полки шли? — «Кричишь онъ громче всѣхъ,
 О благѣ общества какъ будшо-бы хлопчешь,
 А право риторствомъ похвасташь больше хочешь;
 Камономъ смопришь онъ, но шонкаго льспеца
 Опъ насъ не ушайшь подъ спрогосшью лица. —
 Такъ, лучшимъ подвигамъ людское развращенье
 Придумашь силился дурное побужденье;
 Такъ исключительно посредственностъ любя,
 Спѣшишь высокое унизишь до себя;
 Такъ самыхъ доблестей завистливо шрепещешь,
 И чпобъ не вѣришь имъ, на оныя клеветчешь!

 Нѣшь, нѣшь! разумный мужъ идешь пушемъ инымъ,
 И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
 Не высшавляешь ихъ, но сносишь благоправно;
 Онъ не пышаешься, увѣренный забавно
 Во всемогуществѣ болшанья своего,
 Имъ въ людяхъ измѣнишь людское ешешство.
 Изъ насъ, я думаю, не скажешь ни единой
 Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиною;
 Межь шѣмъ, какъ шранны мы! межь шѣмъ любой изъ насъ
 Переиначишь свѣшь задумываль не разъ.

XXXIV.

Неизвинительной ошибкой ,
 Скажише, долго-ль будешъ вамъ
 Внимаешъ съ холодною улыбкой
 Любви укорамъ и мольбамъ ?
 Однѣ побѣды вамъ извѣсны ;
 Любовь нечаянно узнавъ,
 Какихъ лишитесь вы правъ
 И меньше-ль будете прелесны ?
 Ко мнѣ примѣрно нѣжной спавъ ,
 Бы наслажденья лишены-ли:
 Дурачишь плѣнниковъ другихъ
 И гордой бышь, какъ прежде были,
 Къ полнѣ соперниковъ моихъ ?
 Еще-же нужно размышленье !
 Любви просное упоенье
 Васъ не довольствуваетъ вполнѣ ;
 Но съ упоеньемъ поклоненье
 Соединишь не трудно мнѣ ;

И вашъ угодникъ поспоянной
Попеременно я-бы могъ—
Бышь съ вами запросно въ диванной ,
Въ гощинной бышь у вашихъ ногъ.

XXXV.

Дало двѣ доли Провидѣніе
 На выборъ мудрости людской:
 Или надежду и волненіе,
 Иль безнадежность и покой.

Вѣрь пошь надеждѣ обольщающей,
 Кпо бодрѣ неопышнымъ умомъ,
 Лишь по молвѣ разновѣщающей
 Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйшесь, юноши кипящіе!
 Ленише: крылья вамъ даны;
 Для васъ и замыслы блестящіе
 И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшіе,
 Тщету ушѣхъ, печали власть,

Вы, знанье бышія пріѣвшіе ,
 Себѣ на шягосшную часшь !

Гоните прочь ихъ рой прельсшшпельный ;
 Такъ! доживайше жизнь въ пиши ,
 И берегите хладъ спасшшпельный
 Своей бездѣйшвенной души.

Своимъ безчувствіемъ блаженные
 Какъ шрупы мершвыхъ изъ гробовъ ,
 Волхва словами пробужденные ,
 Вспаюшь со скрежешомъ зубовъ ;

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанья ,
 Безумно вдавшись въ ихъ обманъ ,
 Проснешесь шолько для шраданія ,
 Для боли новой прежнихъ ранъ.

XXXVI.

Одинъ, и пасмурный душою ,
 Я предъ окномъ сидѣлъ ;
 Свисшѣла буря надо мною
 И глухо дождь шумѣлъ.

Ужь поздно было, ночь сгустилась ;
 Но сонъ бѣжалъ очей ,
 О дняхъ минувшихъ пробудилась
 Тоска въ душѣ моей.

« Увижу-ль васъ , поля родныя ,
 « Увижу-ль васъ, друзья ?
 « Губя печалью дни молодые ,
 « Примѣнно вяну я !

« Дни пролешаюшь, годы шоже ;
 « Межь шѣмъ бѣднѣешь свѣшь !

« Давно-ль покинулъ васъ—и что-же?

« Двоихъ ужъ въ міръ нѣшь !

« И мнѣ назначена могила!

« Умру въ чужой странѣ,

« Умру и въпренная Лила

« Не вспомнишь обо мнѣ ! »

Душа спѣснилася поскою ;

Я грустно онѣмѣль ,

Склонился на руку главою ,

Въ окно не зря глядѣль.

Очнулся я ; румянь и свѣшель

Ужь новый день сіяль,

И громкой пѣсню ранній пѣшель

Мнѣ ушро возвѣщаль.

XXXVII.

Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой
Я только пѣлъ мои печали:
Спихи холодные дышали
Души холодною шоской;
Когда-бъ тогда вы мнѣ предсшали,
Бышь можешъ, грустный мой удѣлъ
Вы облегчили-бъ. Нѣшь ! едва-ли !
Но я-бы пламеннѣе пѣлъ.

XXXVIII.**ЛУТКОВСКОМУ**

Влюбился я, полковникъ мой,
Въ свои военные рассказы;
Проказы жизни боевой
Ни какъ веселые проказы!
Не презрю я въ душѣ моей
Судьбою мирнаго лѣншя;
Но мнѣ война еще милѣй
И я люблю, себя внимая,
Жужжанье пуль и звукъ мечей.
Какъ сердце жаждешь бранной славы,
Какъ духъ кишишь, когда порой,
Мнѣ хвалишь рашныя забавы
Мой беззабошливый герой!
Прекрасный видъ! въ весельи дикомъ,

Вы мчишесь грозно. дымъ и громъ !
 Бѣгущій врагъ покрышь спыдомъ
 И спрашный бой, съ побѣднымъ кликомъ ,
 Вы запиваете виномъ !
 А Елендорфскіе профети ?
 Проказникъ , счастливый вполнѣ ,
 Съ веселымъ сыномъ Циперей
 Ты дружно жилъ и на войнѣ !
 Споятъ враги шолпою жадной
 Кругомъ окоповъ городскихъ ;
 Ты , воинъ мой , защитникъ ихъ :
 Съ шобой семьею безошрадной
 Толпа красавиць молодыхъ .
 Ты сна не знаешь : чужь проглянуль
 День лучезарный сквозь шумань ,
 Ужь рыцарь мой на вражій спань
 Съ дружиной быспрою нагрянуль :
 Врагамъ иль смершь , иль спрогій плѣнь !
 Межь шѣмъ красавицы младыя
 Пришли шолпой , съ высокихъ стѣнь
 Глядѣшь на игры боевыя ;
 Сраженья видъ ужасень имъ ,
 Дивящя подвигамъ швоимъ ,
 Шлюшь къ небу шеплыя молишвы

Да возвращишься невредимъ
Любезный воинъ съ люпой бишвы!
О! кшо-бы жадно не купишь
Молишвы сей покоемъ, кровью!
Но шы не разъ увѣнчанъ былъ
И бранной славой и любовью.
Когда-жь пѣвцу дозволишь рокъ
Узнать, какъ шы, веселье боя
И заслужишь хошя лишокъ
Изъ лавровъ милаго героя?

XXXIX.

Когда печалью вдохновенный
 Певѣцъ печаль свою поешъ,
 Скажише: опъзывъ умиленный
 Въ какомъ онъ сердцѣ не найдешъ?
 Кшо вѣковыхъ проклятій жаденъ
 Дерзнетъ осмѣивашъ ее?
 Но ддя пришворсшва всякій хладенъ,
 Плачь подражательный досаденъ,
 Смѣшно жеманное вышье!
 Не напряженнаго мечпанья
 Огнемъ услужливымъ согрѣшъ,
 Поспигнулъ таинсшва спраданья
 Душешушительный пошъ.
 Въ борьбѣ съ шяжекою судьбою
 Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
 Сердечныхъ судорогъ цѣною
 Онъ выраженье ихъ купилъ.
 И вопшъ нешлѣнными лучами

Ликъ пѣснопѣвца окружонъ
И чшимъ земными племенами
Подобно мученику онъ,
А ваша муза площадная
Тоской заемною мечшая
Родишь участіе въ сердцахъ ,
Подобна нищей развращенной
Молящей лепты незаконной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

XL.

Нѣшь, обманула васъ молва,
По прежнему дышу я вами
И надо мной свои права
Вы не ушрашили съ годами.
Другимъ куриль я фиміамъ,
Но васъ носиль въ свяпынѣ сердца;
Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойсвомъ старовѣрца.

XLI.

Повѣрь, мой милый! швой Поэшь
 Тебѣ соперникъ неопасный !
 Онъ на закашѣ юныхъ лѣшь,
 На ушренной зарѣ шы юноши прекрасной.
 Живаго чувства полный взглядъ ,
 Уста цвѣшущія, румяныя ланишы,
 Влюбленныхъ пѣсенокъ сильнѣе говорашь
 Съ душой догадливой Харишы.
 Когда съ побой наединѣ
 Порой красавица стихи мои похвалишь,
 Тебя напрасно печалишь
 Ея вниманіе ко мнѣ:
 Она шоропишь пробужденье
 Младаго сердца швоего
 И вынуждаешъ у него
 Свидѣшельство любви, ревнивое мученье.
 Чшо добраго въ моей судьбѣ ,
 И что я прибрѣлъ красавиць воспѣвая ?

Одно: моимъ стихомъ Харипа молодая,
Бышь можешь, выразишь любовь свою къ тебѣ!
Счастливыи баловень Киприды!
Знай сердце женское, о! знай его вѣрнѣй,
И за прищворныя обиды
Лишь плашу пребывашь умѣй!
А мнѣ, мнѣ предоспавъ шаишь огонь бесплодный
Рожденный иногда воззрѣнемъ красоты,
Умомъ оспоривашь сердечныя мечшы
И чувство прикрывашь улыбкою холодной.

XLII.

Тебя изъ шьмы не изведу я
 О смерть! и дѣшскою мечшой
 Гробовой спань шебъ даруя,
 Не ополчу тебя косою.

Ты дочь верховнаго Эфира,
 Ты свѣшозарная краса:
 Въ рукъ швоей олива мира,
 А не губящая коса.

Когда возникнуль мірь цвѣшущій
 Изъ равновѣсья дикихъ силъ,
 Въ швое храненье Всемогущій
 Его усшройшво поручилъ.

И ты лешаешь надъ швореньемъ
 Согласье прямъ его лія
 И въ немъ, прахладнымъ духовеньемъ,
 Смирля буйшво бышія.

Ты укрощаешь возстающій
 Въ безумной силѣ ураганъ ,
 Ты , на брега свои бѣгущій ,
 Вспять поворачиваешь Океанъ .

Даешь предѣлы ты распеню ,
 Чшобъ не покрылъ безмѣрный лѣсъ
 Земли губишельною шѣнью ,
 Злакъ не возспалъ-бы до небесъ .

А человекъ ! святая дѣва !
 Передъ побой , съ его ланишь
 Мгновенно сходяшь пашна гнѣва ,
 Жаръ любоспрасія бѣжишь .

Дружишься праведный побою
 Людей недружная судьба :
 Ласкаешь шокъ-же рукою
 Ты власшелна и раба .

Недоумѣнье , принужденье
 Условье смущныхъ нашихъ дней :
 Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье ,
 Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей .

XLIII.

Какъ много ты, въ немного дней
 Прожишь, прочувствовашь успѣла!
 Въ мясежномъ пламени спраспей
 Какъ спрашно ты перегорѣла!
 Раба поминельной мечпы!
 Въ шокѣ душевной пустошы,
 Чего еще душою хочешь?

 И какъ русалка ты хохочешь.

XLIV.

Храни свое неопасенье,
Свою неопышность дельй;
Передъ побою много дней:
Еще уловишь размышленье.
Какъ въ Смольномъ цвѣшникѣ своемъ,
И въ свѣшѣ, сердцу будь послушной
И монашыркѣ благодушной
Останься долго, долго въ немъ.
Пусть для себя преображаемъ
Игрой младенческой мечшы,
Онъ вѣкъ не рознишь съ шихимъ раемъ
Въ кошоромъ раздвѣшала шы.

XLV.

Вчера ненаспливая ночь
Меня заспала у Лилешы.
Оспашься-ль мнѣ, иди-ли прочь,
Межъ нами долго шли совѣшы.

Но въ чашу свѣшлаго вина
Наливъ съ улыбкою лукавой,
Послушай, молвила она,
Вино совѣшникъ самый здравый.

Я пиль; на что-жь рѣшился
Благимъ внушеньемъ полной чаши?
Побрель по слякоши, друзья,
И до зари сидѣлъ у Паши.

XLVI.

Незнаю? милая, Незнаю!

Краса плѣнишельна швоя:

Незнаю, я предпочитаю

Всѣмъ шѣмъ, кошорыхъ знаю я.

XLVII.

БОГДАНОВИЧУ

Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Лешы,
 Гдѣ благоденствуюшь опжившіе поэшы,
 О Душенькинъ поэшь, прими мои стихи!
 Никакъ въ писатели попалъ я за грѣхи
 И надоѣвъ живымъ посланьями своимъ,
 Несчастливымъ мершвецамъ скучаешь рѣшаюсь ими.
 Нѣшь нужды до того! хочу въ досужный часъ
 Съ тобой поговорить про Русскій нашъ Парнасъ,
 Съ тобой, поэшь живой, зашѣливый и нѣжный,
 Всегда плѣнительный, хошь нѣсколько небрежный,
 Чертамъ замѣнѣнѣшимъ лукавой оспрошы
 Дающій милый видъ сердечной простоты,
 И часо нагошу рисуя намъ безчинно,
 Почши безспыднымъ бышь умѣющій невинно.

Не хладной шалоспью, но сердцем внушена,
 Веселоспъ ясная въ спихахъ швоихъ видна ;
 Мечшы игривыя шобою были пѣшы;
 Въ печаль влюбилсъ мы. Новѣйшіе поэшы
 Не улыбающся въ швореніяхъ своихъ,
 И на лицѣ земли все какъ шо не по нихъ.
 Ну чшожъ? поклонъ, да вонь! увы? не въ эшомъ дѣло;
 Ни жишь имъ, ни писашъ еще не надоѣло,
 И правду безъ зашѣй сказашъ шебѣ пора:
 Присшала къ музамъ ихъ Нѣмецкихъ музъ Хандра.
 Жуковской виновашъ: онъ первый между нами
 Вошелъ въ содружешво съ Германскими пѣвцами
 И спашъ передавашъ, забывши Божій спрахъ,
 Жизнехуленья ихъ въ плѣнишельныхъ спихахъ.
 Просши ему Господь!—Но чшо же! всѣ маракы
 Ударилсъ пошомъ въ задумчивыя вракы,
 У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
 Душа увянула и сердце ошцвѣло.
 Какъ шерпшъ публика безуміе шакое?
 Ты спросишь. Публикѣ наскучило простое,
 Мудренное шеперь любезно для нее:
 У вѣка дряхлаго испоршилось чущье.

Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ. Не сполько просвѣщенный,
 Являлъ онъ бодрый умъ и вкусъ не развращенный ,

Вѣнцы свои дарилъ, безъ вычуръ шолковишь,
 Онъ шолько испиннымъ любимцамъ Аонидъ.
 Но нѣтъ явленія безъ шворческой причины:
 Сей благодашный вѣкъ былъ вѣкъ Екашерины!
 Она любила музъ и пы-ли позабылъ,
 Кшо Душеньку швою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
 Я думаю въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмершья блещеть,
 Понынѣ шѣнь швоя опъ радости шрепещеть,
 Воспомяна день, сей день, когда пѣвца,
 Еще за милый прудъ не ждавшого вѣнца,
 Она, друзья ея, достойно наградили
 И скромнаго его шакъ лестно изумили
 Страницы Душеньки чишая наизушь.
 Сердца зависшниковъ смѣсила злая грушь,
 И на другой-же день распросы о поэтѣ
 И похвалы ему жужжали въ модномъ свѣтѣ.

Кшо вкуса божешвомъ шеперь служилъ-бы намъ?
 Кшо въ наши времена, и прозѣ и стихамъ
 Провозглашая судъ разборчивый и правой,
 Завѣдывашъ-бы могъ Парнасскою управой?
 О, добрый нашъ народъ имѣеть для шого
 Особенныхъ судей, копорые его,
 Въ лиспахъ условенныхъ и въ цѣну приведенныхъ

Снабжаютъ мнѣніемъ о книгахъ современныхъ !
 Даруешь между насъ и славу и позоръ
 Торговой логики смышленной приговоръ.
 О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова,
 Но слушай, какъ чеспашъ они одинъ другаго :
 Товарищъ каждаго глупецъ, невѣжда, враль;
 Повѣришь надо имъ, хошя повѣришь жаль.

Какъ бышь писателю? въ пусшынѣ благодашной,
 Забывши модный свѣшъ, забывши свѣшъ печашной,
 Какъ пы, Философъ мой, шайшься безъ грѣха,
 Избрашь въ совѣшники коша и пѣшуха,
 И въ пишинѣ трудяся для собшвеннаго чувшва,
 Въ искусствѣ находишь возмездіе искусстваша!

Такъ, вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ,
 Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
 Благоуханный дымъ ошъ жершвы безкорышной !
 Такъ нѣжный Башюшковъ, Жуковской живописной,
 Неподражаемый, и цѣлую орду
 Злыхъ подражашелей родившій на бѣду,
 Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣшренникъ блестящій,
 Все подъ перомъ своимъ шушя живовшворящій

Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
 Недавно опъ него поварищъ швой Назонъ
 Посланье получилъ любимцы вдохновенья
 Не могушь побѣдишь сердечнаго влеченья
 И между насъ поюшь, какъ нѣкогда Орфей
 Между мохнапыхъ пѣль, по вѣрѣ шарыхъ дней.
 Безмершіе въ вѣкахъ имъ будешъ воздаяньемъ!

А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
 Но рвеніемъ горя полезнымъ бышь и имъ,
 Я правды красосу даю спихамъ моимъ,
 Желая доказашъ людскихъ суешъ ничпожностъ,
 И хладной мудросши високую возможностъ,
 Чшо мысля, шо пишу. Когда шо веселѣй
 Я славиль на зарѣ своихъ цвѣшущихъ дней
 Законы сладкіе любви и наслажденья:
 Другія времена, другія вдохновенья;
 Теперь важнѣй мой умъ, зрѣлѣе мысль моя.
 Опяшь, когда умру повеселѣю я;
 Тогда, безпечныхъ музъ безпечнаго пишомца,
 Прими, Философъ мой, какъ спараго знакомца

XLVIII.

Очарованье красоты

Въ шебѣ не спрашно намъ:

Не будишь насъ, какъ солнце, шы

Къ мяшежнымъ суешамъ;

Опъ дольней жизни, какъ луна,

Манишь за край земной,

И при шебѣ душа полна

Священной пишиной.

LIХ.

Какъ сладишь съ глупоспью глупца?
Ему въ попадь не скажешь слова;
Другова проще онъ съ лица,
Но мудренѣй въ жишьѣ другова.
Онъ всѣмъ преврашно пораженъ
И все на выворощъ онъ видишь:
И безшолково любишь онъ,
И безшолково ненавидишь.

L.

Идилликъ новый на искусъ
 Предсавленъ былъ предъ Аполлона.
 «Какъ пишешь онъ?» спросилъ у Музы
 Богъ безприсрасшнй Геликона,
 «Никакъ негодный онъ поэшъ?»
 Нельзя сказашь. — «Съ паланшомъ?» — Нѣшь;
 Ошибокъ важныхъ, правда, мало;
 Да пишешь онъ довольно вяло.
 «Я понялъ васъ; въ судѣ моемъ
 Не озабочусь я ни сколько:
 Впередъ нислова мнѣ о немъ,
 Изъ списковъ выключишь—и шолько.»

LI.

Такъ ! опшавнаго шалуна
 Вы вновь шалишь не убѣждайше ,
 Иль золошья времена
 Младыхъ зашѣй ему опдайше !

Переменяюшь годы насъ
 И съ нами вмѣстѣ наши нравы :
 Опъ всей души люблю я васъ ;
 Но ваши чужды мнѣ забавы.

Ужь Вакхъ , увѣнчанный плющомъ ,
 Со мной по улицамъ не бродишь ,
 И къ вашимъ Нимфамъ , вечеркомъ
 Меня шашаясь не заводишь.

Весельчакамъ я заперъ дверь ,
 Я пресыщенъ ихъ буйнымъ счастьемъ ,
 И замѣнилъ его шеперь
 Приспойнымъ , шихимъ сладоспращьемъ.

Въ пылу начальномъ дней младыхъ
Неодолимы наши спрасши :
Проказимъ мы , но мы у нихъ,
Не у себя шогда во власши.

Въ своей опвагѣ молодой
Товарищъ вашъ блажилъ довольно ;
Не видишь онъ нужды большой
Вновь сумасбродишь добровольно.

LII.

По замѣчанью моему
 Альбомъ походишь на кладбище:
 И не подобно-ли ему
 Онъ всѣмъ открытое жилище?
 Не пакже-ль множествомъ именъ
 Самолюбиво испещренъ?
 Увы! народъ добросердечной
 Равно шуда, или сюда,
 Несешь надежду жизни вѣчной
 И шрепешъ спрашнаго суда.
 Но я, смиренно признаюся,
 Я не надѣюсь, не спашуся;
 Я въ вашихъ памятныхъ лиспахъ
 Спокойно имя помѣщаю:
 Философъ я; у васъ въ глазахъ
 Мое ничтожество я знаю.

LIII.

Шуми , шуми съ крушой вершины ,
 Не умолкай , пошокъ съдой !
 Соединяй просяжный вой ,
 Съ просяжнымъ опзывомъ долины .

Я слышу : свищеть Аквилонъ ,
 Качаетъ елю скрыпучей ,
 И съ не погодою ревучей
 Твой ревъ мяшежный соглашонъ .

За чѣмъ , съ безумнымъ ожиданьемъ ,
 Къ шебѣ прислушиваюсь я ?
 За чѣмъ препенещь грудь моя
 Какимъ-шо вѣщамъ препенешаньемъ ?

Какъ очарованный сною
 Надъ дымной бездною швоею ,
 И , мнишся , сердцемъ разумью
 Рѣчь безглагольную швою .

Шуми , шуми съ крушой вершины ,
Не умолкай , пошокъ съдой !
Соединяй просяжный вой
Съ просяжнымъ опзывомъ долины ,

LIV.

Она придетъ ! къ ея успамъ
Прижмусь успами я моими ;
Пріюшъ укромный будешъ намъ
Подъ сими вязами гуспыми !
Волненьемъ спраспнымъ я помимъ ;
Но близъ любезной укрошимъ
Желаній пылкихъ нешерпѣнье :
Мы ими счаспію вредимъ,
И сокращаемъ наслажденье.

LV.

На крoвы ближняго селеня
Нисходишь вечеръ; день погасъ.
Покинемъ рощу, гдѣ для насъ
Часы лешѣли какъ мгновенья!
Лель улыбнись, когда изъ ней
Случилось дѣвицѣ моей
Унесъ во взорахъ пламень помный,
Мечшу любви въ душѣ своей
И въ волосахъ лиспокъ нескромный.

LVI.

ЕЛИЗИЙСКІЯ ПОЛЯ.

Бѣжишь невѣрное здоровье,
 И каждый часъ гошовлюсь я
 Свершишь послѣднее условье,
 Законъ послѣдній бышя;
 Ты не спасешь меня, Киприда!
 Пробьюшь урочные часы
 И низойдешь къ брегамъ Аида
 Пѣвецъ веселья и красы.

Просшите, вѣтренные други,
 Съ кѣмъ беззабошно въ жизни сей
 Дѣлалъ я шумные досуги
 Разгульной юности моей!
 Ч. 1.

Я не спрашуся новоселья ;
 Гдѣ-бъ ни жилъ я, мнѣ все равно :
 Тамъ-поже славишь ошъ бездѣлья
 Я спану дружбу и вино.
 Не измѣнясь въ подземномъ мѣрѣ,
 И шамъ, на шаловливой лирѣ,
 Превозносишь я буду вновь
 Покойной Дафнѣ и Темирѣ
 Неприхошливую любовь.

О Дельвигъ ! слезы мнѣ не нужны ;
 Вѣрь ! въ закоцишной споронѣ
 Приемъ радушный будешь мнѣ :
 Со мною музы были дружны !
 Тамъ , въ очарованной шѣни ,
 Гдѣ благоденшвуютъ поэшы ,
 Прочшу Кашулла и Парни
 Мои небрежные куплеты ,
 И улыбнуся мнѣ они.

Когда изъ шамнственной сѣни ,
 Ошъ шемныхъ Орковыхъ полей ,
 Здѣсь навѣщашъ своихъ друзей
 Порою могутъ наши шѣни ,

Я навѣщу , о други , васъ ;
 Сыны забавы и веселья !
 Когда для шумнаго похмѣлья
 Вы соберешесь въ праздный часъ ,
 Приду я съ вами Вакха славишь ;
 А къ вамъ молишва объ одномъ :
 Приборъ покойнику оставишь
 Не позабудьше за споломъ .

Межъ шѣмъ за шайными берегами ,
 Друзей вина , друзей шировъ ,
 Веселыхъ добрыхъ мершвецовъ
 Я подружу заочно съ вами .
 И вамъ , чрезъ день или другой ,
 Законъ губительный Зевеса
 Велишь покинуть міръ земной ;
 Мы встрѣшимъ васъ у врагъ Айдеса
 Знакомой дружеской толпой ;
 Наполнимъ радосныя чаши ,
 Хвала свиданью возгремишь
 И огласяшь привѣшны наши
 Весь необъемлемый Аидъ !

LVII.

Сей поцѣлуй , дарованный тобой ,
Преслѣдуешь мое воображенье :
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье !
Сойдешь-ли сонъ и взоръ сомкнешь-ли мой ,
Мнѣ снился ты , мнѣ снился наслажденье ;
Обманъ исчезъ , нѣтъ счастья ! и со мной
Одна любовь , одно изнеможенье .

LVIII.

Тебѣ на память, въ книгѣ сей
 Спиши пишу я съ думой смущной.
 Увы! въ обидели швоей
 Я, можешь спашься, гость минушной!
 Съ изнемогающей душой,
 На неизвѣстную разлуку
 Не разъ, шрепещущей рукой
 Друзьямъ своимъ сжималъ я руку.
 Ты помнишь милую шрану,
 Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
 Гдѣ зрѣли первую весну,
 Гдѣ первой шпраснію пылали?
 Покинулъ я предѣль родной!
 Такъ и съ шобою, другъ мой милый,
 Здѣсь проведу я день другой,
 И, какъ узнашь? въ шпранѣ чужой
 Окончу я мой вѣкъ унылый;
 А ты прибудешь въ домъ ошцовъ,

А ты узришь поля родныя ,
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспоманешь были золошья.
Но гдѣ шовариць , гдѣ поѣшь ,
Тобой съ младенчесшва любимый ?
Онъ совершилъ судьбы завѣшь ,
Судьбы враждебной , съ юныхъ лѣшь
И до конца непримиримой !
Когда-жь сшихи мои найдешь ,
Гдѣ складу нѣшь , но чувшшо живо :
Ты ихъ задумчиво прочпешь ,
Глаза пошупишь молчаливо . . .
И шихо лиспъ перевернешь .

LIX.

Когда взойдешъ денница золошая ,
 Горишь эфирь ,
 И ото сна вспаешъ благоухая
 Цвѣшущій міръ ,
 И славилъ все сущесшвованья сладость ;
 Съ душой швоей
 Чшо въ пору шу ? скажи : живая радость ,
 Тоска-ли въ ней ?

Когда на дѣвъ цвѣшущихъ и привѣшныхъ ,
 Передъ шобой
 Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣшныхъ ,
 Глядишь порой ,
 Глядишь и пьешъ ихъ помныхъ взоровъ сладость ;
 Съ душой швоей ,
 Чшо въ пору шу ? скажи : живая радость ,
 Тоска-ли въ ней ?

Спрадаю я! Изъ-за дубравы дальней
 Взойдешъ заря,
 Міръ озаришь, души моей печальной
 Не озаря.

Будь новый день любимцу счастья въ сладость,
 Душѣ моей
 Противень онъ! что прежде было въ радость,
 То въ муку ей.

Что красоны, почши всегда лукавой,
 Мнѣ долгій взоръ?
 Обманчивъ онъ! знакомъ съ его оправой
 Я съ давнихъ поръ.

Обманчивъ онъ! его живая сладость
 Душѣ моей
 Спрашна шеперь! что прежде было въ радость,
 То въ муку ей.

ЛX.

Окогченная лешунья ,
Эпиграмма хохопунья ,
Эпиграмма егоза ,
Трешся , вьешся средь народа
И завидишь лишь урода
Разомь вцѣпишься въ глаза.

LXI.

И. И. ГНѢДИЧУ.

Такъ! для оправднѣхъ чувствъ еще я не погибъ ,
 Я не забылъ себя , почтенный Ариспишь ,
 И дружбу нѣжную , и Русскія Аѳины !
 Не Вакховыхъ пировъ , не лобызаній Фрины ,
 Въ нескромной юности нескромно пѣвшихъ мной ,
 Не шумной суешы , прославленной толпой ,
 Лишенье сяжко мнѣ , въ краю гдѣ Финну нищу
 Опчизна мершвая едва даруешь пищу ,
 Нѣшь , вѣшь ! мнѣ сягосно ошсушешвіе друзей ,
 Лишенье сягосно бесѣды мнѣ швоей ,
 То насшавишельной , шо сладосно оправдной :
 Въ ней , сердцемъ жадный чувствъ , умошь позна-
 ній жадной ,
 И сердцу и уму я пищу находиль .

Счастливецъ ! дни свои ты музамъ посвящалъ
 И бодро дѣйствуешь прекрасные полѣтка
 На полѣ умственныхъ усилій чловѣка ;
 Искусства нѣжныя и дѣлательный трудъ ,
 Занявъ , украсили свободный твой приютъ .
 Живилель сердца трудъ ; искусства наслажденья .

Еще не породивъ прямого просвѣщенья ,
 Избытокъ породилъ бездѣйственную лѣнь .
 На мѣрь сношворную она нагнала шѣнь
 И чадамъ роскоши , обремененнымъ скукой ,
 Довольство бѣдности шагчайшей было мукой ;
 Искусства низошли на помощь къ нимъ тогда :
 Уже ошвыкнувшихъ ошъ грубаго труда ,
 Къ трудамъ возвышеннымъ они воспламенили
 И праздношь упражняясь роскошно научили ;
 Бышь можешь , счасіемъ обязаны мы имъ .

Какъ бѣдень спраждающій бездѣйствіемъ своимъ !
 Печальный , жалкій рабъ тупаго усыпленья ,
 Не постигаешь онъ души употребленья ,
 Въ дремолу грубую всечасно погружонъ ,
 Ошвыкнулъ чувствовашь , ошвыкнулъ мыслишь онъ ,

На собственныхъ пирахъ вздыхаешь онъ украдкой,
 Чшо длянся для него мгновенья жизни крашкой.

Они въ углу моемъ не длянся для меня.
 Судьбу младенчески за спрогосшь не вина
 И взявъ съ себя примѣръ, поэзію ученье
 Призваль я украшашъ свое уединенье.
 Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
 Пришельца новаго пугающіе взоръ,
 Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина,
 Напѣвы грустные просяжныхъ пѣсень Финна,
 Не долго, помню я, въ печальной сторонѣ
 Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.

Я побѣдилъ ее, и не убишь неволей,
 Еще я бышія владѣю лучшей долей,
 Я мыслю, чувствую: для духа нѣшь оковъ;
 То вопрошаю я преданія вѣковъ,
 Всемирныхъ перемѣнъ чишаю въ нихъ причины,
 Наспавленъ давнею превращенностью судьбины,
 Учусь покорствовашъ судьбинѣ я своей;
 То заняшь свойствами и нравами людей,
 Послупковъ ихъ ищу прямыя побужденья,
 Вникаю въ сердце ихъ, слѣжу его движенья,

И въ сердцѣ разуму опченъ спараюсь дать !
 То вдохновеніе , парнаса благодать ,
 Мнѣ душу радуешь воспоргами своими :
 На мигъ обворожень , на мигъ обманушь ими ,
 Дышу свободнѣе , и лиру взявъ свою ,
 И дружбу , и любовь и нѣгу я пою .

Осмѣливаясь пѣшь , я помню прешкновенья
 Самолюбиваго искусства пѣснопѣнья ;
 Но всякому свое , и машь племень людскихъ ,
 Усердыя полная ко благу чадъ своихъ ,
 Природа , каждаго дара особой спрассью ,
 Намъ разные пуши прокладываетъ къ счастью :
 Кшо блескомъ почесшей плѣненъ въ душѣ своей ;
 Кшо созданъ для войны и любви спукъ мечей ;
 Любезны пѣсни мнѣ . Когда-шо для забавы ,
 Я , праздный , посѣшилъ Парнасскія дубравы
 И воды свѣшлыя Каспальскаго ручья ;
 Тамъ къ хорамъ чисныхъ дѣвъ прислушиваюсь я ,
 Тамъ , очарованный , влюбился я въ искусство
 Другимъ передавашъ въ согласныхъ звукахъ чувство ,
 И не страшась толпы взыскашельныхъ судей ,
 Я умереть хочу съ любовію моею .

Такъ, скуку для себя счишая бѣдствомъ главнымъ,
 Я духа предаюсъ порывамъ своенравнымъ ;
 Такъ, безъ усилія ведешь меня мой умъ
 Онь чувсва къ шалости, къ мечшамъ онь важ-
 ныхъ думъ !

Но ни души моей воспорги одиноки,
 Ни любомудрїя полезныя уроки,
 Ни пѣсни мирныя, ни легкія мечшы,
 Воображенїя случайныя цвѣшны,
 Среди глухихъ лѣсовъ и скаль моихъ унылыхъ,
 Не замѣняюшь мнѣ людей для сердца милыхъ,
 И часю грустїю невольною объашъ,
 Увидѣшь-бы желалъ я пышный Петроградъ,
 Весши желалъ-бы вновь свой вѣкъ непринужденной
 Въ кругу дѣшей искусивъ и нѣги просвѣщенной,
 Апелла, Фидїя желалъ-бы навѣщашъ,
 Съ тобой желалъ-бы я бесѣдовашь оняшь,
 Мужъ, дарованьями, душою превосходный,
 Въ спихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный!
 За шо не въ первый разъ зываю я къ богамъ:
 Ошдайше мнѣ друзей: найду я счастье самъ !

LXII.

Взгляни на ликъ холодный сей ,
Взгляни : въ немъ жизни нѣтъ ;
Но какъ на немъ былыхъ спрасшей
Еще замѣшенъ слѣдъ !
Такъ ярый шокъ , оледенѣвъ ,
Надъ бездною виситъ ,
Ушрашивъ прежній грозный ревъ ,
Храня движенья видъ .

LXIII.

Прощай, опчизна непогоды,
 Печальная спрана,
 Гдѣ дочь любимая природы,
 Безжизненна весна;
 Гдѣ солнце не хоша сіяешь,
 Гдѣ сосень вѣчный шумъ,
 И моря ревъ, и все пишаешь
 Безумье мрачныхъ думъ;
 Гдѣ оплученный опъ опчизны
 Враждебною судьбой,
 Изнемогалъ безъ укоризны
 Изгнанникъ молодой;
 Гдѣ позабышь молвой гремучей,
 Но все душой пишь,
 Своею Музою лешучей
 Онъ не былъ позабышь!
 Теперь, для сладкаго свиданья
 Спѣшу къ спранѣ родной;

Въ воображеньи край изгнанья
 Послѣдуешъ за мной :
И камней мшистыхъ громады ,
 И видъ полей нагихъ ,
И вѣковые водопады ,
 И шумъ угрюмый ихъ !
Я вспомню съ пайнымъ сладоспращьемъ
 Пусынную спрану ,
Гдѣ я въ размолвкѣ съ шихимъ счастьемъ
 Провель мою весну ,
Но гдѣ порою жишель неба ,
 На переколь судьбъ ,
Не измѣнилъ пишомецъ Феба
 Ни Музамъ , ни себѣ.

LXIV.

Чувствительны мнѣ дружескія пѣни,
 Но искренно забылъ я Геликонъ
 И признаюсь : не приходливой лѣни
 Мнѣ нравишься приманчивый законъ ;
 Охота пѣшь ужь не владѣешь мною :
 Она прошла , погасла , какъ любовь.
 Опяшь любишь , играешь струнами вновь,
 Желалъ-бы я , но утомленъ душою.
 Иль жишь нельзя опрадою иною ?
 Съ бездѣйствіемъ любезень мнѣ союзъ ;
 Лелѣмый счастливымъ усыпленьемъ,
 Я не хочу пришворнымъ испуленьемъ
 Обманывашь ни юныхъ дѣвъ , ни Музъ.

LXV.

Я поѣвшиль себя, плѣнишельная сѣнь,
 Не въ дни веселые живишельного Мая,
 Когда зелеными вѣшьями помавая,
 Манишь ты пушника въ свою густую тѣнь ;
 Когда ты вѣешь аромапомъ
 Тобою бережно взлѣлянныхъ цвѣшовъ :
 Подъ очарованный пвой кровь
 Замедлил я моимъ возвратомъ.
 Въ осенней нагошѣ спояли дерева
 И непривѣшливо чернѣли ;
 Хрустѣла подъ ногой замерзлая права
 И листья мершвые волнуяся шумѣли ;
 Съ прохладой рѣзкою дышаль
 Въ лице мнѣ запахъ увяданья;
 Но не весенняго убраншва я искаль,
 А прошлыхъ лѣшъ воспоминанья.
 Душей задумчивый, медлишельно я шель
 Съ годовъ младенческихъ знакомыми шропами;

Художникъ опытный ихъ нѣкогда провелъ :
 Увы ! рука его изглажена годами !
 Спези заглохшія , мечтаешь , пешеходъ
 Случайно пропопталъ. Сошелъ я въ доль завѣшный,
 Долю, первыхъ думъ моихъ лелѣяешь привѣшный!
 Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,
 Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памятной каскады;
 Тамъ, думалъ я, къ душѣ моей
 Толпою полешаяшъ видѣнья прежнихъ дней. . .
 Вошце! лишенные хранишельной преграды,
 Далече воды ушекли,
 Ихъ ложе поросло справою,
 Приюсть хозяйшвенный въ немъ улья обрѣли
 И легкая шропа исчезла предо мною :
 Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣшалъ !
 Но вошь, по прежнему, лѣсиснымъ косогоромъ,
 Дорожка смѣлая ведешь меня. . . . обваль
 Вдругъ поглотилъ ее. . . . я спалъ
 И глубь нежданную измѣрилъ грустнымъ взоромъ ;
 Съ недоумѣніемъ искалъ другой шропы.
 Иду я : гдѣ бесѣдка шлѣешь
 И въ прахъ передъ ней лежашъ ея столпы ,
 Гдѣ ошовъ мосшика дряхлѣешь.
 И шы, величешвенный грошъ,

Тяжело-каменный постигнушь разрушеньемъ

И угрожаешь ужь паденьемъ

Бывало, въ лѣшній зной, прохлады полный сводъ !

Что-жь ? пустьъ минувшее минуло сномъ лешучимъ !

Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,

И обаяніемъ могучимъ

Исполненъ для души моеѣ.

Онъ не былъ мыслию, онъ не былъ сердцемъ хлад-
день,

Топь, кшо глубокой нѣги жадень,

Ихъ своенравный бѣгъ пропамъ симъ указаль,

Кшо преклоняя слухъ къ мечпашельному шуму

Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей пишаль

Ему сочувспенную думу.

Давно, кругомъ меня, о немъ умолкнуль слухъ,

Пріяла прахъ его далекая могила,

Мнѣ память образа его не сохранила,

Но здѣсь еще живешь его досшупный духъ ;

Здѣсь, другъ мечшанья и природы,

Я познаю его вполне :

Онъ вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,

Онъ славить мнѣ велишь лѣса, долины, воды ;

Онъ убѣдительно пророчить мнѣ спрану,

Гдѣ я наследую безсмершную весну,

Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ въ сладостной сѣни невянущихъ дубровъ
У нескудьющихъ ручьевъ
Я шѣнь священную мнѣ встрѣчу.

LXVI.

Когда исчезнетъ омраченье
 Души болѣзненной моей ?
 Когда увижу разрѣшенье
 Меня опушавшихъ съшей ?
 Когда сей демонъ наводящій
 На умъ мой сонъ его мершвящій,
 Опыдешь, чадный, онъ меня
 И я увижу лучъ блестящій
 Всеозаряющаго дня?
 Освобожусь воображеньемъ
 И крылья духа подыму
 И пробужденнымъ вдохновеньемъ
 Природу снова обниму ?

Вошще-ль мольбы ? напрасны-ль пѣни ?
 Увижу-ль снова ваши сѣни,
 Сады поэзіи свяшой ?
 Увижу-ль васъ, ея свѣшила ?

Вошце ! я чувспвую: могила
Меня живаго приняла
И легкой дарь мой удушая ,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробоной насыпью легла.

LXVII.

Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдши
 Въ сей жизни блаженство прямое ;
 Небесные боги не дѣляща имъ
 Съ земными дѣшми Промешаи.

Похищенной искрой созданье свое
 Дерзнулъ оживишь безразсудный ;
 Безсмертныхъ онъ презрѣлъ и спрашная казнь
 Поспигнула чадь свяпошашства.

Нашъ шягоспный жребій : положенный срокъ
 Пишашся болѣзненной жизнью ,
 Любишь и лелѣяшь недугъ бышя ,
 И смерти опрадной спрашишься.

Нужды непреклонной слѣпые рабы ,
 Рабы самовлашнаго рока !
 Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
 Случайная жизнь покоряешь.

Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь ,
 Намъ памяшно небо родное ,
 Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
 Спремимся неяснымъ желаньемъ ! . . .

Вошце ! Мы надолго опровержены имъ !
 Сіяешь красою надъ нами ,
 На брентную землю , безопасно оно
 Торжественный сводъ опираешь

Но намъ недосупно ! Какъ алчный Таншаль
 Сгараешь средь влаги прохладной :
 Такъ сердцемъ поспигнувъ блаженнѣйшій міръ ,
 Томимся мы жаждою счастья.

LXVIII.

О своенравная Аглая !
 Ошь всей души я васъ люблю ,
 Хопя другимъ не подражая ,
 Довольно рѣдко васъ хвалю .
 На вашихъ ужинахъ веселыхъ ,
 Гдѣ любяшь смѣхъ , и даже шумъ ,
 Гдѣ не кладушь оковъ тяжелыхъ
 Намъ ни на сердце , ни на умъ ,
 Гдѣ для глупца или невѣжды
 Словъ не размѣриваемъ мы ,
 Я основалъ свои надежды
 И счастье нынѣшней зимы .
 Ни въ чемъ не слѣдуя присшрасью ,
 Даете цѣну вы всему :
 И остроумью и уму ,
 И удовольствию и счастью .
 Съвѣшь пренебрегши , въ добрый часъ ,
 И прищѣснительную моду ,

Всему и всѣмъ забавишь васъ
Вы дали полную свободу ,
И пошому далеко прочь
Ошъ васъ бѣжишь причудницъ мука ,
Жеманства пасмурная дочь ,
Всегда зѣвающая скука.
Иной порою, знаю самъ,
Я васъ браню по пустякамъ.
Просише мнѣ мои укору !
Не умъ одинъ дивишся вамъ ,
Опасны сердцу ваши взоры :
Они лукавы , я слыхаль ,
И щекошливѣе другаго ,
Ошъ упоенія слѣпаго
Спаси разсудокъ свой желаль.
Я въ немъ шеперь едвали воленъ
И часно пасмурный душой ,
За шо я вами не доволенъ ,
Чшо не доволенъ самъ собой.

LXIX.

Люблю деревню я и лѣшо :
И говоръ водъ, и шѣнь дубровъ ,
И благовоніе цвѣшовъ ;
Какой душѣ не мило эшо ?
Бышь шакъ, прощаю комаровъ ;
Но признаюсь — пусыни жищель ,
Покой пусынный въ ней любя ,
Комаръ двуногой, гощь мучищель ,
Нѣшь , не прощаю я шебя !

ЛХХ.

Въ своихъ спихахъ онъ скукой дышешъ;
Жужжаньемъ ихъ наводишь сонъ.
Не говорю : за чѣмъ онъ пишешъ,
Но для чего чишаешъ онъ ?

LXXI.

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бышя ;
Но что ? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья !
Лишь перекрестокъ улучили ,
Другъ другу молвили : проси !
Недолго розно побродили ,
Черезъ день сошлись въ концѣ пуши !

LXXII.

Рѣшишельно , печальныхъ спрокъ моихъ
 Не хочешь ты ошвѣтомъ удоспоишь ;
 Не пронулась ты нѣжнымъ чувствомъ ихъ
 И презрѣла мнѣ сердце успокоишь !
 Не оживу я въ памяти швоей ,
 Не вымолю прощенья у жестокой !
 Виновень я : я былъ не вѣренъ ей ;
 Нѣшь жалоспи къ поскѣ моей глубокой !
 Виновень я : я славилъ жень другихъ . . .
 Такъ ! но когда ихъ слухъ предубѣжденной
 Я обольщаль игрою спрунь моихъ ,
 Къ шебѣ лешѣль я думой умиленной ,
 Тебя я пѣлъ подь именами ихъ .
 Виновень я : на балахъ городскихъ ,
 Среди шолпы весельемъ оживленной ,
 При гулъ спрунь , въ безумномъ вальсѣ мча ,
 То Делю , шо Дафну , шо Лилешу ,
 И всѣмъ шроимъ гошовый , стгоряча ,

Произнеси по спрасшному объшу;
 Касаяся душистыхъ ихъ кудрей
 Лицомъ моимъ; объемля жадной дланью
 Ихъ спройный спанъ; шакъ! въ памяти моей
 Ужь не было подруги прежнихъ дней,
 И преданъ былъ я новому мечшанью!
 Но къ нимъ ли я любовію пылалъ?
 Нѣшь, милая! когда въ уединеннн
 Себя цопомъ я шихо повѣрялъ:
 Ихъ находя въ моемъ воображеннн,
 Тебя одну я въ сердцѣ обрѣшалъ!
 Привѣшливыхъ, послушныхъ безъ ужимокъ,
 Улыбчивыхъ для шалосши молодой,
 Изъ-за угла Пафосскихъ пилигримокъ
 Я шпорожилъ вечернею порой;
 На мигъ одинъ ихъ своевольный плѣнникъ,
 Я шолько былъ шалунъ, а не измѣнникъ.
 Нѣшь! болѣе надменна, чѣмъ нѣжна,
 Ты все еще обидь своихъ полна....
 Просши-жь на вѣкъ! но знай, чшо двухъ вивовныхъ,
 Не одного, найдущся имена
 Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ.

ЛХХІІІ.

Ты ропщешъ, важный журналистъ,
На наше модное маранье :
Вся ша же пѣсня : « вѣпра свиспъ,
Лисповъ древесныхъ увяданье » . . .
Поняшно намъ швое спраданье :
И безъ шого освиспанъ шы ,
И шакъ подваловъ доспоянье ,
Родясь гніюшъ швои лиспы.

LXXIV.

ДЕЛЬВИГУ.

Дай руку мнѣ , товарищъ добрый мой ,
 Пушемъ однимъ пойдемъ до двери гроба
 И щещно намъ за грозною бѣдой
 Бѣду грознѣй пошлешь судьбины злѣба.
 Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
 Впервые ты узналъ мой уголокъ ?
 Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой
 Боролся я, почти лишенный силъ ?
 Я погибалъ : ты духъ мой оживилъ
 Надеждою возвышенной и новой :
 Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ ;
 Дѣля досугъ межъ ими и шобою ,
 Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
 И передъ ней унился душою ?

Ты самъ порой глубокоую печаль
 Въ душѣ носилъ , но что ? не мнѣ ли ввѣришь
 Спѣшилъ ее ? И дружба не всегда-ль
 Хотя нѣсколько могла ее умѣришь ?
 Забытые форшунуоу слѣной ,
 Мы ей на зло другъ въ другъ все имѣли
 И дружества швердя объшь свяшой,
 Безшрепешно въ глаза судьбѣ глядѣли.

О ! вѣрь мнѣ въ шомъ : чѣмъ жребій ни грозилъ,
 Упоршвуя въ шаринной нешрїязни,
 Душа моя не вѣдаешъ боязни,
 Души моеей ничшо не измѣнишь !
 Такъ , милой другъ ! позволяшь ли мнѣ боги
 Ярмо забошь сложишь когда нибудь
 И весело на свѣшлый мїръ взглянуть ,
 По прежнему-ль ко мнѣ пребудушь спроги ,
 Всегда я швой. Судьей души моеей
 Ты долженъ бышь и въ ведро и въ ненашье,
 Удвоишь шы моихъ счастливыхъ дней,
 Не полное безъ раздѣленья счастье ;
 Въ дни бѣдспвія я знаю, гдѣ найши
 Учасіе въ судьбѣ своей шяжелой :
 Чего-жь робѣшь на жизненномъ пуши ?
 Иду впередъ съ надеждоу веселой.

Еще позволю желаніе одно

Мнѣ произнеси: молюся я судьбинѣ,

Чтобъ для тебя я спалъ хоша ошнынѣ,

Чѣмъ для меня ты спалъ уже давно.

LXXV.

Мы пьемъ въ любви ошраву сладкую;
 Но все ошраву пьемъ мы въ ней,
 И плашимъ мы за радость крашкую
 Ей безвесельемъ долгихъ дней.
 Огонь любви, огонь живительный!
 Всѣ говоряшь ; но что мы зримъ ?
 Опущеннаешь , разрушительный ,
 Онъ душу объящую имъ!
 Кшо заглушишь воспоминанія
 О дняхъ блаженства и спрданія,
 О чудныхъ дняхъ швоихъ, любовь ?
 Тогда я ожилъ бы для радости,
 Для сновъ злыхъ цвѣшущей младости,
 Тебѣ ошкрылъ бы душу вновь.

LXXVI.

Пріѣшель строгой, ты не правъ,
 Несправедливы попки злые :
 Друзья веселья и забавъ,
 Мы не повѣсы записные !
 По своеволю спрасшей
 Себѣ мы правилъ не слагаи,
 Но пылкой жизнью юныхъ дней,
 Пока дышалось, дышали;
 Любили шумные пиры ;
 Госшей веселыхъ шой поры ,
 Забавы, шалости любили
 И за роскошные дары
 Младую жизнь благодарили.
 Во имя лучшихъ изъ боговъ,
 Во имя Вакха и Киприды,
 Мы пѣли счастье шалуновъ ,
 Сердечно презря крикуновъ
 И ихъ ревнивыя обиды.

Мы пѣли счастье дней молодыхъ,
 Межъ тѣмъ лешѣла наша младость:
 Порой задумывалась радость
 Въ кругу поклонниковъ своихъ;
 Въ душѣ больной ошъ пищи многой,
 Въ душѣ усшалоу пламень гасъ,
 И за сшаканомъ, въ добыѣ часъ
 Заспаль насъ какъ-шо опышъ спргоу.
 Наперсницъ напихъ, спрасшныхъ дѣвъ
 Мы поцѣлуи позабыли,
 И предъ суровымъ оробѣвъ,
 Ушѣхи крылья опушили.
 Съ шѣхъ поръ, любезный, не поемъ
 Мы бсзразсудныя забавы,
 Смиренно дни свои ведемъ
 И ждемъ ошъ свѣша доброй славы.
 Теперь вопросъ я ошдаю
 Тебѣ на судъ. Подумай, мы ли
 Перемѣнили жизнь свою,
 Иль годы насъ перемѣнили ?

LXXVII.

К. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Изъ царства висша и зимы,
 Гдѣ подѣ управой ихъ двойкой,
 И атмосфери и умы
 Сжимаешь холодъ одинакой,
 Гдѣ жизнь какой-то шажкой сонъ,
 Она спѣшишь на Югъ прекрасной,
 Подѣ Авзонійской небосклонъ
 Одушевленной, сладоспращной,
 Гдѣ въ куцахъ, въ поршикахъ палатъ
 Окшавы Тассовы звучатъ ;
 Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
 Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
 Рафаель дышешь на холстѣ ;
 Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы,

Но гдѣ не стыдно, можешь бышь,
Герои, міра властелины,
Вашъ капишолій позабышь
Для капишолія Корины ;
Гдѣ жизнь? игрива и легка,
Тамъ лучше ей, чего же болѣ ?
За чѣмъ же шаякая шоска
Сжимаешь сердце по неволѣ ?
Когда любимая краса
Послѣднимъ сномъ смыкаешь вѣжды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открышы небеса,
Что лучшей міръ ей угошванъ,
Что славой вѣчною свѣшло
Тамъ заблещишь ея чело ;
Но скорбный духъ не уврачованъ,
Душѣ спѣсенной шяжело,
И неушѣшно мы рыдаемъ.
Такъ, сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучшей край и лучшей міръ.

LXXVIII.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
 Но упоишьныхъ похвалъ :
 Не разъ въ чаду ихъ мощный геній
 Сномъ разслабленья заеыпалъ.

Когда довѣрять ихъ измѣнѣ,
 Уже гошовъ у моды ты
 Взяшь на вѣнокъ своей Каменѣ
 Ея шафшиные цвѣшны ;

Просши : я громко негодую ;
 Просши, насшавникѣ и пророкъ ,
 Я съ укоризной указую
 Тебѣ на лавровый вѣнокъ.

Когда по ребрамъ крѣпко списнушь
 Пегась удалымъ сѣдокомъ,
 Не горе, ежели прихлыснушь
 Его кришическимъ хлышпомъ.

LXXIX.

Тебѣ я младость шаловливу,
О сынѣ Венеры! посвятилъ;
Меня ты плохо наградишь,
Даль мало сердцу на разживу!
Подобно мнѣ любилъ ли кто?
И что-жь я вспомню не поскуя?
Два, три, чешыре поцѣлуя!...
Бышь шакъ; спасибо и за шо.

LXXX.

Поэтъ Писцовъ въ списахъ сяжеловашъ ,
Но я люблю незлобнаго собрата :
Ей , ей ! не онъ предъ свѣшомъ виновашъ ,
А передъ нимъ природа виноваша .

LXXXI.

Чшобъ очаровывашь сердца ,
 Чшобъ возбуждашь рукоплесканья,
 Я слышалъ, будшо для пѣвца
 Всего нужнѣе дарованья.
 Пушей къ Парнассу много ешь:
 Зѣвошу можно произвешь
 Поэмой длинной, громкой одой,
 И ввѣкъ шого не приобрѣшъ,
 Чего намъ не дано природой.

Когда шарикъ Анакреонъ,
 Сынъ вѣрный нѣги и прохлады,
 Веселый пѣлъ амфоровъ звонъ
 И сердцу памяшныя взгляды:
 Въ слѣдъ за шолпой младыхъ забавъ,
 Богини пѣсней, миновавъ
 Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Элады,

Ему внимашь изъ-подпишка
 Съ вершины Пинда поспѣшали
 И балагура старика
 Вънкомъ безсмертья увѣнчали.

Такъ своенравно Аполлонъ
 Намъ раздаешь свои награды;
 Другому богу Геликонъ
 Ошдашь хошѣлось-бы съ досады!
 Напрасно до пошу лица
 О славъ Фофановъ хлопочешь:
 Ему ошказанъ даръ пѣвца,
 Трудяшся онъ, а Фебъ хохочешь.
 Межь шѣмъ дая веселью дни,
 Едва ли Башюшковъ, Парни
 О прихотливой вспоминали,
 И чшо-жь? нечаянно они
 Ее въ Цишеръ повспрѣчали.

Плѣненъ ли Хлоей, Дафной шы,
 Возми Тибуллову цѣвницу,
 Воспой побѣды красошы,
 Воспой души своей царицу;
 Когда же любишь спукъ мечей,

Съ высокой музою Омира
Пускай поешъ вражды царей
Твоя воиншвенная лира.
Равны всѣ музы красошой ;
Несходшво ихъ въ одной одеждѣ:
Спарайся нравишься любой,
Но помолися Фебу прежде.

LXXXII.

РАЗУВЪРЕНІЕ.

Не искушай меня безъ нужды
 Возвращомъ нѣжності швоей :
 Разочарованному чужды
 Всѣ обольщенья прежнихъ дней !
 Ужь я не вѣрю увѣреньямъ ,
 Ужь я не вѣрую въ любовь,
 И не могу предаться вновь
 Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ !
 Слѣпой шоски моей не множь ,
 Не заводи о прежнемъ слова ,
 И другъ забошливый, больнова
 Въ его дремошѣ не шревожь !

Я сплю, мнѣ сладко усыпленье :
Забудь бывалыя мечшы :
Въ душѣ моей одно волненье ,
А не любовь пробудишь ты.

LXXXIII.

А. А. Ф... Ой.

Вы дочь Евы какъ другая :
 Какъ передъ зеркаломъ своимъ
 Власы роскошныя вседневно убирая ,
 Ихъ блескомъ шелковымъ любясь передъ нимъ ,
 Любясь ясными очами ,
 Обворожительнымъ лицомъ
 Блещущей Граціи , предъ вами
 Живописуемой услужливымъ стекломъ ,
 Вы угадашь могли свое предозначенье ?
 Какъ вмѣсто женской суебы ,
 Въ душѣ довольной красоты
 Задрепетало вдохновенье ?
 Прекрасный , дивный мигъ ! возликовалъ Парнасъ :
 Хариты какъ сестру Камены окружили ,

Ошь міра мелочей вы взоры ошврапили :

Ошкрылся новый міръ для васъ.

Сей міръ свободнаго мечшанья ,

Въ который входишь лишь поэшь ;

Гдѣ исполненіе находяшь всѣ желанья ,

Гдѣ сладки самыя спраданья

И гдѣ обмановъ сердцу нѣтъ.

Мы встрѣпилися въ немъ. Блеснящими спихами

Вы обольспишельно привѣпили меня.

Я знаю цѣну имъ. Дарована судьбами

Мнѣ искра вашего огня.

Забуду-ли я васъ ? забуду-ль ваши звуки ?

Въ душѣ признашельной ошозвались они.

Пусть бездну между насъ раскроешь духъ разлуки ,

Пускай лешяшь за днями дни :

Пребудешь не разлучна съ вами

Моя сердечная мечша,

Пока плѣняюся я лирными спрунами,

Покуда радуешь мнѣ душу красоша.

LXXXIV.

Живи смѣлѣй, поварищъ мой,
 Разнообразъ досугъ шушливой!
 Люби, мечшай, пируй и пой,
 Пренебреги молвы болшливой
 И порицаньемъ и хвалою!
 О, какъ безумна жажда славы!
 Равно исчезнушь въ безднѣ лѣшъ,
 И годы шумные побѣдъ,
 И мигъ незнаемый забавы!
 Всѣхъ смершныхъ ждесть судьба одна:
 Всѣхъ чередомъ погложешь Леша,
 И философа болшуна,
 И длинноусова корнеша,
 И въ молдаванкѣ шалуна
 И въ рублищѣ Анахореша.
 Познай-же цѣну срочныхъ дней,
 Лови пролетное мгновенье!

Изчезнешъ жизни сновидѣнье :
Кто былъ счастливѣй, былъ умнѣй.
Будь друженъ съ Музою моею,
Оставимъ мудрость мудрецамъ;
На что чинишься съ жизнью намъ ,
Когда шушишь мы можемъ съ нею ?

LXXXV.

Не шрогайте Парнаскаго пера,
Не шрогайте, пригожія воспрушки!
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія далъ игрушки.
Любовь-ли вамъ ошавишь въ забышья
Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣюся,
Уносяшь ихъ Лешійскія спруи!
На пальчикахъ чернила ошаюся.

LXXXVI.

СТАРИКЪ.

Вънчали розы , розы Лея ,
Мой первый вѣкъ , мой вѣкъ молодой :
Я былъ счастливый пуспомеля
И дѣвамъ нравился порой .
Я помню ласки ихъ живыя ,
Лобзанья полныя огня . . .
Но пролетѣли дни молодые ;
Онѣ не смошряшъ на меня !
Какъ бышь ? У яркаго камина
Въ укромной хижинѣ моей ,
Накрою споль , посшавлю вина
И соберу моихъ друзей .

Пускай вѣнокъ, сплешенный Лелемъ,
Не обновится никогда:
Года увѣнчанные хмѣлемъ,
Еще прекрасные года.

LXXXVII.

Хвала, маспшый нашъ Зоиль!
 Когда-шо Дмишрiевъ бѣсилъ
 Тебя счастливыми стихами,
 Бѣсилъ Жуковскiй вслѣдъ за нимъ,
 Вошь Пушкинъ бѣсиль. Какъ любимъ,
 Какъ опличень шы небесами!
 Три поколѣнiя пѣвцовъ
 Тебя красой своихъ вѣщцовъ
 Въ негодованье приводили:
 Пекись о здравiи своемъ,
 Чшобы подобно первымъ премъ
 Другiе три шебя бѣсили.

LXXXVIII.

ПОДРАЖАНІЕ ЛАФАРУ.

Свободу давь поскѣ моей,
Уединенный, я недавно
О наслажденьяхъ прежнихъ дней
Жалѣль и плакаль своенравно.
Все обмануло, думалъ я,
Чѣмъ сердце пламенное жило,
Чшо восхищало, чшо помило,
Чшо было цвѣшомъ бышя!
Наспавленъ ищиной угрюмой,
Ошныиъ съ правдою душой,
Живыхъ восшорговъ легкйи рой
Я замѣню холодной думой
И сердца мершвой шишиной!
Тогда съ улыбкою коварной

Предсталъ внезапно Купидонъ.
О чемъ вздыхаешь , молвилъ онъ ,
О чемъ грустишь , неблагодарной ?
Забудь печальныя мечты :
Я вѣчно юнъ , и я съ шобою !
Воскреснушь сердцемъ можешь ты ;
Не вѣришь мнѣ ? взгляни на Хлою !

LXXXIX.

Я безразсуденъ—и не диво !

Но разсудилъ-ли ты,

Всегда преслѣдуя ревниво

Мои любимыя мечты ?

« Не для нее прямое чувство :

« Одно коварное искусство

« Я вижу въ Делии швоей ;

« Не вѣрь прелестницѣ лукавой !

« Самолюбивою забавой

« Твои восторги служатъ ей.»

Не обнаружу я досады,

И проницательность швоя

Хвалы доспойна, вѣрю я ;

Но не находишь въ ней оправды

Душа смятенная моя.

Я вспоминаю голосъ нѣжный

Шалуни ласковой моей,

Рѣчей ошкрышыхъ складъ небрежный,
 Огонь ланишь, огонь очей;
 Я вспоминаю день разлуки,
 Послѣдній, долгій разговоръ,
 И полный нѣги, полный муки,
 На мнѣ покоившійся взоръ;
 Я перечисываю спроки,
 Гдѣ, увлеченія полна,
 Въ любви счастливые уроки
 Мнѣ самому даетъ она,
 И говорю въ шокѣ глубокой:
 «Уже-ль обманушь я жестокой?
 «Или все, все въ безумномъ снѣ
 «Безумно чудилося мнѣ?
 «О, страшно мнѣ разувѣренье,
 «И объ одномъ мольба моя:
 «Да вѣчнымъ будешь заблужденье,
 «Да вѣкъ безумцемъ буду я»...

Когда же съ вѣрою напрасной
 Взываю я къ судьбѣ глухой,
 И вскорѣ опышь роковой
 Очамъ дославивъ свѣтъ ужасной,
 Пойду я спранникомъ тогда

На край земли, шуда, шуда,
Гдѣ вѣчный холодъ обиаешъ,
Гдѣ по неволѣ сшынешъ кровь,
Гдѣ, можешъ бышь, сама любовь
Въ озябломъ сердцѣ пошухаешъ....
Иль нѣшь: подумавши пушемъ,
Оспанусь я въ углу своемъ,
Скажу вздохнувъ : « Горюнь неловкой !
Грусь просподушная смѣшна;
Не лучше-ль плушомъ бышь съ плушовкой ,
Шушишь любовью, какъ она ?
Я обь обманщицѣ поскую:
Какъ здравымъ смысломъ я убогъ !
Уже-ль обманщипу другую
Мнѣ не пошлешъ въ ошраду Богъ ?

XС.

Д. ДАВЫДОВУ.

Пока съ восторгомъ я внимаю
 Повѣшвованью славныхъ дѣлъ,
 Ношу любовь къ родному краю
 И къ пѣснямъ Музь не охладѣлъ,
 Покуда Русскій я душою,
 Забуду-ль о счастливомъ днѣ,
 Когда пріяшельскою рукою
 Пожалъ Давыдовъ руку мнѣ !
 О пы, кошорый въ дымъ сраженій
 Полки лихіе бурно мчаль
 И гласомъ пылкихъ пѣснопѣній
 Сердца шомилъ и волноваль !
 Такъ , шакъ ! покуда сердце живо
 И шрепешашъ ему не лѣнь,

Въ воспоминаньи, горделиво
Хранишь я буду оный день.
Клянусь, Давыдовъ благородный,
Въ шомъ лирой Фебу дорогой,
И въ славный годъ войны народной
Въ народъ славной бородой!

XCI.

Твой дѣшскій вызовъ мнѣ пріямень,
 Но не желай моихъ стиховъ :
 Не многимъ избраннымъ поняшенъ
 Языкъ поэшовъ и боговъ.
 Когда подь звонкіе напѣвы ,
 Подь звукъ свирѣли плясовой,
 Среди полей, рука съ рукой,
 Кружашся юноши и дѣвы,
 Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ
 Харишы, вѣшренный Эрощъ,
 Дріады, Фавны пляшущь съ ними
 И гонящь прочь шолпу забощь
 Воскликновеньями своими,
 Поодаь Музы между шѣмъ
 Таяся въ сумракъ дубравы,
 Глядящь незримыя никѣмъ,
 На ихъ невинныя забавы;
 Но ихъ соборъ въ шо время нѣмъ.

Пѣвцу-ли вѣщренно безславиль
Плоды возвышенныхъ трудовъ,
И легкомысліе забавиль
Игрою гордою стиховъ ?
И шой не рѣдко, чье возрѣнье
Даруешь лирѣ вдохновенье,
Не повѣряешь онъ его :
Поешь одинъ, подобный въ эпшомъ
Пчелѣ, которая со цвѣшомъ
Не дѣлитъ меда своего.

XCVII.

Взгляните: свѣжестью молодой,
И въ осень лѣшь она плѣняешь ,
И у нея, лешунъ сѣдой,
Ланишныхъ розъ не похищаетъ ;
Самъ побѣжденный красошой,
Глядишь—и пушь не продолжаетъ !

XСІІІ.

Пришворной нѣжности не пребуѣ отъ меня :
 Я сердца моего не скрою хладъ печальной.
 Ты права , въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
 Моей любви первоначальной.
 Напрасно я себѣ на память приводилъ
 И милый образъ швой, и прежнія мечшанья :
 Безжизненны мои воспоминанья ,
 Я кляшвы даль, но даль ихъ выше силъ.

 Я не плѣненъ красавицей другою,
 Мечты ревнивыя отъ сердца удали ;
 Но годы долгіе въ разлукѣ прошекли,
 Но въ буряхъ жизненныхъ развлекся я душою.
 Ужъ ты жила невѣрной стѣнью въ ней ;
 Уже къ тебѣ зывалъ я рѣдко, принужденно,
 И пламень мой, слабѣя поспешенно,
 Собою самъ погасъ въ душѣ моей.

Вѣрь, жалокъ я одинъ. Душа любви желаетъ ,
 Но я любить не буду вновь ;
 Вновь не забудусь я : вполне упоеваешь
 Насъ только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
 Судьбины полную побѣду надо мной :
 Кто знаетъ ? мнѣнiемъ солюся я съ толпой ;
 Подругу, безъ любви, кто знаетъ ? изберу я.
 На бракъ обдуманнiй я руку ей подамъ
 И въ храмъ спану рядомъ съ нею
 Невинной, преданной бышь можешь лучшимъ снамъ,
 И назову ее моею ,
 И вѣспъ къ тебѣ придешь; но не завидуй намъ :
 Обмѣна шайныхъ думъ не будешь между нами ,
 Душевнымъ прихошамъ мы воли не дадимъ :
 Мы не сердца подъ брачными вѣнцами,
 Мы жребiи свои соединимъ.

Прощай. Мы долго шли дорогою одною :
 Пушь новый я избралъ , пушь новый избери ;
 Печаль безплодную разсудкомъ усмири
 И не вступаи, молю, въ напрасный судъ со мною.

Невластны мы въ самихъ себѣ,
И, въ молодя наши лѣшны,
Даемъ поспѣшныя обѣшны,
Смѣшныя можешъ бышь всевидящей судьбѣ.

XCIV.

АВРОРЪ Ш.

Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари;
Всѣхъ румянѣмъ появленьемъ
Оживи и озари!
Пылкій юноша не сводишь
Взоровъ съ милой, и порой
Мыслишь, съ шихою шоской:
« Для кого она выводилъ
Солнце счастья за собой? »

XCV.

Чудный градъ порой сольется
Изъ лешучихъ облаковъ;
Но лишь въспрь его коснешся,
Онъ исчезнешь безъ слѣдовъ :
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечпы
Исчезающъ ошь дыханья
Посторонней суеты.

XCVI.

Я не любилъ ее , я зналъ,
 Чшо не она поймешь поэта,
 Чшо на языкъ души, душа въ ней безъ отвѣта:
 Чего-жь безумецъ въ ней искалъ?
 За чѣмъ стихи мои звучали
 Ея воспорженной хвалой,
 И малодушно возвѣщали
 Ея владычешво и плѣнь пошпидный мой?
 За чѣмъ ввѣрять я съ умиленьемъ
 Ей всѣ мечты души моей?...
 Туманъ упалъ съ моихъ очей:
 Ее бѣгу я съ отвращеньемъ!
 Такъ, омраченные виномъ,
 Мы недоспойному порою
 Жмемъ руку дружеской рукою,
 Привѣществуемъ его съ ослабленнымъ лицомъ,
 Краснорѣчиво изливаемъ
 Всѣ думы сердца передъ нимъ;

Ошибки темное сознание хранимъ ;
Но блажь досадную напрасно укрощаемъ
 Умомъ взволнованнымъ своимъ :
Очнувшись , странному забвенію дивимся ,
И незаконнаго наперника спыдимся ,
И ошь прошивнаго лица его бѣжимъ .

XCVII.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Подъ бурею судебъ, унылый, часто я
 Скучая тяжкою неволей бышя,
 Несши ярмо мое ушрачивая силу,
 Гляжу съ ошрадою на близкую могилу,
 Привѣщивую ее, покой ея люблю
 И цѣни опряхнушь я самъ себя молю.
 Но вскорѣ мнимая рѣшимость позабыша
 И томной слабости душа моя открыша:
 Страшна могила мнѣ; и ближніе, друзья;
 Мое грядущее и молодость моя
 И обѣщанія въ груди сокрышой музы,
 Все обольстительно скрѣпляешь жизни узы
 И далеко ищу, какъ жребій мой ни спрогъ,
 Я жишь и бѣдствоваешь услужливый предлогъ.

XCVIII.

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ
 Въ безмолвіи nocturno
 Горюшь, блещишь кругомъ луны,
 На небѣ голубомъ.

Взгляни на звѣзды: между нихъ
 Милѣ всѣхъ одна!
 За что-же? ранѣ всаешь,
 Ярчѣй горюшь она?

Нѣтъ! утѣшаешь свѣтъ ея
 Разставшихся друзей:
 Ихъ взоры, въ синей вышинѣ,
 Встрѣчаются на ней.

Она на небѣ чуть видна;
 Но съ думою глядишь,

Но взору слепъ опвѣщенный взоръ
И нѣжносшью горить.

Съ нее въ лазоревую ночь
Не сводимъ мы очесъ,
И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесъ.

Себѣ звѣзду избралъ-ли ты?
Въ безмолвіи ночью,
Ихъ много блещешь и горить
На небѣ голубомъ.

Не первой вспавшей сердце вѣрь,
И, суешный въ любви,
Не лучезарнѣйшую всѣхъ
Своею назови.

Ту назови своей звѣздой,
Чшо съ думою глядишь,
И взору слепъ опвѣщенный взоръ,
И нѣжносшью горить.

XСІХ.

Болящій духъ врачуешь пѣснопѣнье.
Гармоніи шаинсшвенная власпъ
Тяжелое искупишь заблужденье
И укроишь буншующую спраспъ.
Душа пѣвца, согласно излишая,
Разрѣшена опъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистопу , поэзія свяшая,
И миръ опдаспъ причаспницѣ своей.

С.

Пора покинушь, милый другъ,
Знамена въшренной Киприды
И неизбѣжныя обиды
Предупредишь пока досугъ.
Чьихъ ожидашь увѣщаній!
Мы лишены старинныхъ правъ
На своеволие забавъ,
На своеволие желаній.
Ужь ошлешаешь вѣкъ молодой,
Ужь сердце опыннѣ спало:
Теперь ни въ чемъ, любезный мой,
Намъ изсшупленье не пришло!
Оставимъ юнымъ шалунамъ
Слѣпую жажду сладоспрасья;
Не упоенія, а счастья
Искашь для сердца должно намъ.
Пресышась буйнымъ наслажденьемъ,
Пресышась ласками Цирцей,

Шепчу я часпо съ умиленьемъ ,
Въ поскѣ задумчивой моей :
Нельзя-ль найдши подруги нѣжной ,
Съ кѣмъ могъ-бы, въ счастливой глуши ,
Предасься нѣгѣ безмятежной
И чиспымъ радостямъ души ;
Въ чье неизмѣнное участье
Безпечно вѣроваль-бы я ,
Случишся-ль ведро иль ненастье
На перепутьѣ бышїа ?
Гдѣ-жь обреченная судьбою ?
На чьей груди я успокою
Свою усалую главу ?
Или съ волненьемъ и шоскою
Ее напрасно я зову ?
Или въ печали одинокой
Я проведу осшашокъ дней ,
И тихій свѣшъ ея очей
Не озаритъ ихъ шмы глубокой ,
Не озаритъ души моей !

СІ.

Не подражай : своеобразень геній
И собшвеннымъ величіемъ великъ ;
Дорашовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ ,
Досадень ты : не любяшь повшореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ :
Да не яворишь себѣ кумира онъ !
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный ,
Я засшаю у Байроновыхъ ногъ ,
Я думаю : поклонникъ униженный !
Возспань, возспань и вспомни : самъ ты богъ !

СII.

Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ,
 Другой спрадаешъ на пресполѣ;
 На высотѣ земныхъ судьбинъ,
 И въ незамѣшной, низкой долѣ,
 Всѣхъ благъ возможныхъ шопъ достигъ,
 Кто духъ судьбы своей постигъ.

Мы всѣ блаженствуемъ равно,
 Но всѣ блаженствуемъ различно;
 Удѣломъ нашимъ рѣшено,
 Какъ наслаждашь имъ прилично,
 И кто намъ лучшей даль совѣшь,
 Иль Эпикуръ, иль Эпикшетъ?

Меня шягчиль печалей грузъ;
 Но не упаль я передъ рокомъ,
 Нашель ошраду въ пѣсняхъ музъ
 И въ равнодушїи высококъ,

И свѣтомъ презрѣнный удѣлъ
Облагородишь я умѣлъ.

Хвала вамъ , боги ! предо мной
Вы оправдалися опшынѣ !
Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ ,
И никогда сей лиры гласъ
Не оскорбишь ропшаньемъ васъ !

СIII.

Повѣрь, мой милый другъ , спрдаанье нужно намъ ,
 Не испытавъ его , не лзя понять и счастья :

Живой источникъ сладоспращья

Дарованъ въ немъ его сынамъ.

Однѣ-ли радости оспрады и прелестны ?

Одно-ль веселье веселишь ?

Бездѣйственность души счастливецевъ шягопишь ;

Имъ силы жизни неизвѣсны.

Не намъ завидовашь лѣнливомъ чувсшвамъ ихъ :

Что въ дружбѣ вѣтренной, въ любви однообразной

И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ

Души разсѣянной и празднои ?

Счастливыцы мнимые , способны-ль вы понять

Участья иѣжнаго сердечную услугу ?

Способны-ль чувсшвовашь , какъ сладко повѣряшь

Печаль души своей внимательному другу ?

Способны-ль чувсшвовашь , какъ дорогъ, вѣрный другъ ?

Но кто постигнушь рокомъ гнѣвнымъ ,

Чью душу пягопишь мучительный недугъ ,
 Топь дорожишь врачомъ душевнымъ.
 Чшо, чшо даешь любовь веселымъ шалунамъ ?
 Забаву легкую, минущное забвенье ;
 Въ ней благо лучшее дано богами намъ
 И нуждъ живѣйшихъ утоленье !
 Какъ будешь сладко , милый мой ,
 Повѣришь нѣжности чувствительной подруги,
 Скажу-ль ? всѣ раны , всѣ недуги ,
 Все расслабленіе души швоей больной ;
 Забывъ и свѣшь и рокъ суровой ,
 Желанья смущныя въ одно желанье слишь
 И на усахъ ся, въ ея дыханьи пишь
 Цѣлебный воздухъ жизни новой !
 Хвала всевидящимъ богамъ !
 Пущь мнимымъ счастьемъ для свѣша мы убоги ,
 Счастливыцы насъ бѣднѣй, и праведные боги
 Имъ дали чувстввенность, а чувство дали намъ.

CIV.

На звукъ цѣвницы голосистой ,
Толпой забавъ окружена ,
Лешить прекрасная весна ;
Благоухаетъ воздухъ чистый ,
Земля воздвиглась ото сна.

Ушихли вьюги и мятели ,
Текутъ пошоками снѣга ;
Опяшь въ горахъ шрубятъ рога ,
Опяшь зефиры налетѣли
На обновленные луга.

Надъ урной мшистою Наяда
Проснулась въ сумракъ вѣшвей ,
Стрясаешь иней съ кудрей ,
И разломавъ оковы хлада,
Заговоришь ея ручей.

Воспорги духъ мой пробудили!
 Звучать и блещуть небеса;
 Пѣвцовъ пернатыхъ голоса,
 Паспущьи пѣсни огласили
 Долины, горы и лѣса.

Лишь ты, увядшая Климена,
 Лишь ты въ печаль облечена,
 Весны не празднуешь одна!
 Тобою младости измѣна
 Еще судьбѣ не прощена!

Унынье въ грудь къ тебѣ шѣснился,
 Не видишь ты красы луговъ.
 О если-бъ щедростью боговъ
 Могла ко смершнымъ возвращишься
 Пора любви съ порой цвѣшовъ!

CV.

Не ослѣпленъ я музою моею :
Красавицей ея не назовушь
И юноши узрѣвъ ея , за нею
Влюбленною шолпой не побѣгушь.
Приманивашъ изысканнымъ уборомъ ,
Игрою глазъ , блестящимъ разговоромъ ,
Ни склонности у ней , ни дара нѣтъ ;
Но пораженъ бываешь мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ ,
Ея рѣчей спокойной простотою ;
И онъ , скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ ,
Ея почпишь небрежной похвалою .

CVI.

ЧЕРЕПЬ.

Усопшій братъ ! кто сонъ швой возмушилъ ?
 Кто пренебрегъ свяшынею могильной ?
 Въ разрышый домъ къ тебѣ я нисходилъ ,
 Я въ руки бралъ швой черепъ желшый, пыльной !

Еще носилъ волосъ оспашки онъ ;
 Я зрѣлъ на немъ ходъ поспешенный плѣнья :
 Ужасный видъ ! какъ сильно пораженъ
 Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушеня !

Со мной шолпа безумцевъ молодыхъ
 Надъ ямою безумно хохошала :
 Когда-бъ шогда, когда-бъ въ рукахъ моихъ
 Глава швоя внезапно провѣщала !

Когда-бъ она цвѣшущимъ, пылкимъ намъ
 И каждый часъ грозимымъ смершнымъ часомъ,
 Всѣ истины извѣшныя гробамъ
 Произнесла своимъ безспраснымъ гласомъ!

Чшо говорю? Спокрасно благъ законъ,
 Молчаньемъ ей усна запечашлѣвшій;
 Обычай правъ, усопшихъ важной сонъ
 Намъ почишашъ издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно плѣи мершвецъ!
 Всесильнаго ничтожное создание,
 О человекъ! увѣрься наконецъ
 Не для себя, ни мудрость, ни всезнание!

Намъ надобны и спрасны и мечшы,
 Въ нихъ бышя условіе и пища:
 Не подчинишь однимъ законамъ пы
 И свѣсна шумъ и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушишь
 И ошъ гробовъ ошвѣсна не получишь:
 Пущъ радости живущимъ жизнь даришь,
 А смершь сама ихъ умерешъ научишь.

CVII.

О мысль ! тебѣ удѣлъ цвѣшка :
Онъ свѣжій манишь мошылка ,
Прельщаетъ пчелку золотую ,
Къ нему съ любовью мошка льнешь
И стрекоза его поешъ ;
Ушрашилъ прелесъ молодую
И чередой своей поблекъ —
Гдѣ пчелка, мошка, мошылекъ?
Забьшь онъ роемъ ихъ лешучимъ,
И никому въ немъ нужды нѣшь ;
А шущь, зерномъ своимъ падучимъ,
Онъ зарождаетъ новый цвѣшъ.

CVIII.

Судьбой наложенныя цѣпи
 Упали съ рукъ моихъ и вновь
 Я вижу васъ, родныя степи,
 Моя начальная любовь.

Степнова неба сводъ желанной,
 Степнова воздуха струи,
 На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
 Оспановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣть было слаще
 Лѣсъ на покапѣ двухъ холмовъ
 И скромный домъ въ садовой чащѣ —
 Пріюшь младенческихъ годовъ.

Промчалось пы, златое время!
 Съ шѣхъ поръ по свѣшу я бродилъ

И наблюдаль людское племя
И наблюдая возскорбилъ.

Ко благу пылокое спремленье
Ошь неба было мнѣ дано;
Но обрѣло-ли раздѣленье,
Но принесло ли плодъ оно? . . .

Я брашьевъ зналь; но сны младые
Соединили насъ на мигъ:
Далече спранспвуюшь иные
И въ мѣрѣ нѣшь уже другихъ.

Я швой, родимая дуброва!
Но ошь насильспвенныхъ судьбинъ
Молишь хранишельнаго крова,
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привель подъ стѣнь швою свяшую
Я соучасшницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцомъ пихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней милой, бышь мой ушая,

Другихъ урочищѣй вселенной
Не буду помнишь бышя.

Пускай о свѣтѣ не шоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

СХІ.

Есть гротъ : Наяда шамъ въ полдневные часы
Дремотѣ предаешь успалыя красы ,
И часто вижу я, какъ нимфа молодая,
На ложѣ лиспвенномъ покоишся нагая ,
На руку бѣлую, подѣ говоръ ключевой ,
Склоняся челомъ вѣнчаннымъ осокой.

СХІІ.

МАДОНА.

Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ,
 (Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ)

Межь древнихъ развалинъ стояла лачужка;
 Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.

Съ развѣтра до ночи за пняжкимъ прудомъ,
 А все таки голодь имъ часпо знакомъ.

И дочка порою душой унывала ;
 Терпѣнемъ скудѣя, на Бога ропшала.

Не плачь, не крушися ты, солнце мое !
 Тогда утѣшала старушка ее.

Не плачь , перемѣнится доля крушая :
Придесть къ намъ на помощь Мадона святая .

Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпить :
Смотри , какъ привѣшно съ холста онъ глядитъ !

Спарушка смиренная съ рѣчью такою ,
Бывало крестилась дрожащей рукою .

И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ ,
Она съ умилненнымъ и крошкимъ лицомъ ,

На живопись темную взоръ подымала ,
Что уголь въ лачужкѣ безъ рамы занимала .

Но больше и больше нужда ихъ тѣснить ,
Дочь плачешь , спарушка свое говоришь .

Съ ушра по руинамъ бродилъ любопытный :
Забылся красѣ ихъ дивясь ненасытный .

Кровь нуженъ ему ошь полдневныхъ лучей :
Спучишься къ спарушкѣ и входишь онъ къ ней .

На лавку садился пришлецъ утомленный ;
 Но вспрянуль, каршиною вдругъ пораженный.

« Божественный образъ ! чья кисть это , чья ?
 О, какъ не узнашь мнѣ ! Корреджій, пвоя !

И въ хижинѣ этой пворенье шаишся ,
 Кошорымъ и Царской дворець возгордится !

Старушка, продай мнѣ картину свою,
 Тебѣ за нее я сто пiasпровъ даю. »

— Синьоръ , я бѣдна , но душой не торгую ;
 Продашь не могу я икону свяшую. —

« Я двѣсти даю , согласися продашь. »
 — Синьоръ , Синьоръ ! бѣднось грѣшно искушашь.

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ :
 Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Ишаліи всей
 Лешучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ спарушкѣ моеѣ гостѣ за гостемъ спучишся
И, дверь отворяя, спарушка дивишся.

За входъ она малую плашу берешъ
И съ дочкой своею безбѣдно живешъ.

Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадона свяшая.

СХІІІ.

О, вѣрь : ты нѣжная дороже славы мнѣ.

Скажу-ль ? мнѣ иногда докучно вдохновенье :

Мѣшаетъ мнѣ его волненье

Дышать любовью въ тишинѣ!

Я сердце предаю сердечному союзу :

Приди, мечты мои разсѣй,

Ласкай, ласкай меня, о другъ души моей!

И покори себѣ буншующую музу.

СХІV.

Мой даръ убогъ и голось мой не громокъ ,
Но я живу, и на земли мое
Кому нибудь любезно бышіе :
Его найдешь далекой мой попомокъ
Въ моихъ спихахъ : какъ знашь ? душа моя
Окажешся съ душой его въ сношеньи ,
И какъ нашель я друга въ поколѣнни ,
Чипашеля найду въ попомствѣ я .

СХV.

Мой неискусный карандашъ
Набросилъ видъ суровый вашъ
Скалы Финляндіи печальной;
Средь нихъ , средь эшихъ голыхъ скалъ
Я дни весны моей опальной
Влача, душой изнемогалъ.
Въ отчизнѣ я. Передъ собою
Я самовольною мечтою
Скалы изгнанья оживилъ
И ихъ разсѣянно рисуя,
Теперь съ улыбкою шепчу я :
Вопь гдѣ унылый я бродилъ ,
Гдѣ, на судьбину негодуя,
Я вѣру въ счастье опложилъ.

XCVI.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

Есть бытіе ; но имянемъ какимъ
 Его назовашь ? Ни сонъ оно , ни бдѣнье ;
 Межь нихъ оно и въ человѣкѣ имъ
 Съ безуміемъ граничить разумѣнье.
 Онъ въ полнотѣ понятія своего ,
 А между пѣмъ какъ волны на него
 Одни другихъ мясежнѣй , своенравнѣй,
 Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ споронъ :
 Какъ будшо бы своей опчизны давней
 Спихійному смяшеню опданъ онъ ;
 Но иногда, мечшой воспламененный ,
 Онъ видитъ свѣтъ другимъ не ошкровенный.

Созданье-ли болѣзненной мечпы,
 Иль дерзкаго ума соображенье ,

Во глубинѣ полночной шемнопы
 Предсавшее очамъ моимъ видѣнье ?
 Не вѣдаю; но предо мной шогда
 Разкрылися грядущіе года;
 Собышїя вставали, развивались,
 Волнуясь подобно облакамъ
 И полными эпохами являлись
 Опъ времени до времени очамъ,
 И наконецъ я видѣлъ безъ покровъ
 Послѣднюю судьбу всего живаго.

Сначала мїръ явилъ мнѣ дивный садъ:
 Вездѣ искусствъ, обилїя примѣны;
 Близъ веси весь и подлѣ града градъ,
 Вездѣ дворцы, шеапры, водомешы,
 Вездѣ народъ и хипрый свой законъ
 Спихїи всѣ признашь заспавиль онъ :
 Ужь онъ морей мяпежныя пучины
 На оспровахъ искусственныхъ селилъ,
 Ужь разсѣкалъ небесныя равнины
 По прихоши имъ вымышленныхъ криль;
 Все на землѣ движенїемъ дышало,
 Все на землѣ какъ будшо ликовало.

Изчезнули бесплодные года,
 Орашаи по волѣ призывали
 Вѣтра , дожди , жары и холода ;
 И вѣрною спорицейъ воздавали
 Посѣвы имъ, и хищный звѣрь исчезъ
 Во шмѣ лѣсовъ и въ высотѣ небесъ
 И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ ,
 И царшвовалъ повсюду свѣшлый мѣръ.
 Вошь, мыслилъ я прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
 Вошь разума великолѣпный пиръ !
 Врагамъ его и въ сшдыъ и въ поученье ,
 Вошь до чего досшигло просвѣщене!

Прошли вѣка. Яснѣшь очамъ моимъ
 Видѣніе другое начинало :
 Чшо человѣкъ ? чшо вновь открышо имъ ?
 Я гордо мнилъ , и чшо-же мнѣ предсшало?
 Насшавшую эпоху я съ шрудомъ
 Посшигнушь могъ смушвившимся умомъ.
 Глаза мои людей не узнавали ;
 Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ ,
 На все они спокойные взирали ,
 Чшо суешы рождало въ ихъ ошцахъ ,

Что мысли ихъ, что спраши ихъ бывало
Влеченіемъ всеильнымъ увлекало.

Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубова влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья
И въ полное владѣніе свое
Фаншазія взяла ихъ бышіе,
И умсшвенной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей и въ хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ шрудомъ они спунали
И браки ихъ безплодны пребывали.

Прошли вѣка, и тушь моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судибина.
Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ
Послѣднія семейства изшлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,

По пажиямъ заглохнувшимъ блуждали
 Безъ пасшырей безумныя спада ;
 Съ людьми для нихъ изчезло пропишанье :
 Мнѣ слышалось ихъ гладное бѣянье.

И пишина глубокая во слѣдъ
 Торжесшвенно повсюду воцарилась ,
 И въ дикую порфиру древнихъ лѣшь
 Державная природа облачилась.
 Величешвенъ и грушенъ былъ позоръ
 Пусшынныхъ водъ, лѣсовъ, долинь и горъ.
 По прежнему живошворя природу,
 На небосклонъ свѣшило дня возшло ;
 Но на землѣ ничшо его возходу
 Произнесши привѣща не могло :
 Одинъ шуманъ надъ ней синѣя вился
 И жершвою чиспшительной дымился.

СХVII.

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ.

Въ небѣ нашемъ исчезаешь
И красой своей горда ,
На другое воспекаешь
Переходная звѣзда ;
Но на вѣкъ ли съ ней проспишься ?
Нѣшь , предписанъ ей законъ:
Рано-ль, поздно-ль ворошишься
На старинный небосклонъ.

Небо наше покидая
Ты-ли , милая звѣзда ,
Небесамъ другога края
Передашься навсегда ?

Весела красой чудесной,
Пошеки въ желанный путь;
Только спранницей небесной
Ворошпись когда нибудь !

СХVІІІ.

Слыхаль я, добрые друзья,
 Чшо наши прадѣды въ печали
 Бывало бѣса призывали:
 Имъ подражаю въ эшомъ я.
 Но не пугайшесь : подружился
 Я не съ прокляшымъ сашаной,
 Кому душою поклонился
 За деньги старой Громобой ;
 Узнайше : ласковый бѣсенокъ
 Меня младенцемъ навѣщаль
 И колыбель мою качаль
 Подъ шопошъ легкихъ побасенокъ.
 Съ шѣхъ поръ я вышелъ изъ пеленокъ,
 Между мужами возмужаль,
 Но для него еще ребенокъ.
 Случишся-ль горе иль бѣда ,

Иль безошчетно иногда
 Сгруснется мнѣ въ моей кануркѣ, —
 Махну рукой : по старинѣ
 На съромъ волкѣ, сивкѣ буркѣ
 Онъ мигомъ явишся ко мнѣ.
 Больному духу здравьемъ свиснешь ,
 Бобами думу разведешь,
 Живой водой веселье вспырснешь,
 А горе мершвою зальешь.
 Когда въ задумчивомъ совѣшѣ
 Съ самимъ собой, изъ-за-угла
 Гляжу на свѣшъ и видя въ свѣшѣ
 Свободу глупосши и зла,
 Добра и разума прижимку ,
 Насильемъ сверженный законъ ,
 Я слабымъ сердцемъ возмущёнъ ;
 Проворно шапку невидимку
 На шаръ земной набросишь онъ ;
 Или, въ мгновеніе зеницы,
 Чудесный коврикъ самолешь
 Онъ подо мною развернешь
 И коврикъ пошъ въ сады жарь-пшицы,
 Въ чершого дивной царь-дѣвицы
 Меня по воздуху несешь.

Прощай владѣнье грушной были
Меня смущавшее досель :
Я ошь швоей бездушной пыли
Уже за придевяшь земель.

СХVII.

Есть милая страна, есть уголь на землѣ,
Куда, гдѣ-бъ ни были : средь буйшвеннаго спана,
Въ садахъ Армидиныхъ , на быспромъ кораблѣ
Браздящемъ весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей,
Гдѣ чужды низменныхъ спрастей,
Жишейскимъ подвигамъ предѣль мы назначаемъ ,
Гдѣ мірь надѣмся забышь когда нибудь
И вѣжды старыя сомкнушь
Послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ желаемъ.

Я помню ясный, чистый прудъ ;
 Подъ стѣною березъ вѣшвисныхъ,
 Среди мирныхъ водъ его при острова цвѣшущъ ;
 Свѣшлѣя нивами межъ рошъ своихъ волнистыхъ ,
 За нимъ вшаешъ гора, предъ нимъ въ кушкахъ
 шумишь

И брызжешъ мѣльница. Деревня, лугъ широкой,
 А шамъ счастливый домъ. . . . шуда душа лешишь,
 Тамъ не хладѣль бы я и въ шарости глубокой!
 Тамъ сердце шомное, больное обрѣло

Ошвѣшь на все, чшо въ немъ горѣло
 И снова для любви, для дружбы разцвѣло
 И счастье вновь уразумѣло.

За чѣмъ же шомный вздохъ и слезы на глазахъ ?
 Она, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ,
 Она, кошорой нѣшь, мелькнула предо мною.
 Почій, почій легко подъ дерномъ гробовымъ :

Воспоминаніемъ живымъ

Не разлучимся мы съ шобою!

Мы плачемъ.... но прости! Печаль любви сладка ,

Ошрачны слезы сожалѣнья!

Не шо холодная, суровая шоска ,

Сухая скорбь разувѣренья.

СХVІІІ.

ПРИ ПОСЫЛКѢ БАЛА С. Э.

Тебѣ-ль невинной и спокойной
 Я приношу въ нескромный даръ
 Разказъ , гдѣ спраси недоспойной
 Изображень преступный жаръ ?

И безобразный, и мясежной,
 Онъ не плѣнишь швоей мечшы ;
 Но что? на память дружбы нѣжной
 Его бышь можешь примешь шы.

Жилецъ семейственнаго круга ,
 Такъ въ даръ пріемлеть домосѣдъ
 Ошъ путешественника друга
 Пусшыни дальной дикой цвѣшь.

СХІХ.**НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.**

Предспала, и спарець великой смѣжилъ

Орлиныя очи въ покоѣ ;

Почилъ безмяшежно , зане совершилъ

Въ предѣлѣ земномъ все земное !

Надъ дивной могилой не плачь , не жалѣй,

Чшо генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ ! но ничшо не оспавлено имъ

Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣща ;

На все опозвался онъ сердцемъ своимъ,

Чшо просишь у сердца отвѣща :

Крылашою мыслью онъ міръ облещѣлъ,

Въ одномъ безпредѣльномъ нашель ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ пишало: шруды мудрецовъ,
 Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
 Преданья, завѣшы минувшихъ вѣковъ,
 Цвѣшущихъ время упованья.
 Мечшою по волѣ проникнуть онъ могъ
 И въ нищую хашу, и въ царской чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
 Ручья разумѣлъ лепешанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ шравъ прозябанье,
 Была ему звѣздная книга ясна
 И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человекъ!
 И ежели жизнью земною
 Творецъ ограничилъ лешучій нашъ вѣкъ,
 И насъ за могильной доскою,
 За міромъ явленій не ждешь ничего :
 Творца оправдаешь могила его.

И если загробная жизнь намъ дана ,
 Онъ здѣшней вполне отдышавшій

И въ звучныхъ глубокихъ опсывахъ, сполна
 Все дольное долу опдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлещишь
И въ небѣ земное его не смущишь.

СХХ.

К. А. ТИМАШЕВОЙ.

Вамъ все дано съ щедрою приспартной

Благоволишельной судьбой:

Владѣете вы лирой сладкогласной

И ей созвучной красотой.

Чшо-жь грушь поешъ блестящая пѣвица ?

Чшо-жь шомны взоры красомы ?

Печаль , печаль души ея царица ,

Владычица ея мечшы.

Вамъ счастья нѣшь , иль на одно мгновенье

Блеснувши, лучь его погасъ ;

Но счасшливъ пошь , кшо слышишь ваше пѣнье ,

Но счасшливъ пошь , кшо видишь васъ.

СХХІ.

Не славь обманушый Орфей,
 Мнѣ Элизійскія селенья :
 Элизій въ памяти моей
 И не кропимъ водой забвенья.
 Въ немъ міръ цвѣшущій сарины
 Умершихъ пѣни населяють,
 Привычки жизни сохраняють
 И чувствъ ея не лишены.
 Тамъ живъ ты, Дельвигъ ! шамъ за чашей
 Еще со мною шушишь ты ,
 Поешь веселье дружбы нашей
 И сердца юныя мечты.

СХХІІ.

Гдѣ сладкой шопошъ
 Моихъ лѣсовъ ?
 Пошоконъ ропошъ ,
 Цвѣшны луговъ ?
 Деревья голы;
 Коверъ зимы
 Покрываетъ холмы,
 Луга и доли.
 Подъ ледяной
 Своей корой
 Ручей нѣмѣешь;
 Все цѣпенѣешь ,
 Лишь вѣшеръ злой
 Бушуя воешь
 И небо кроешь
 Съдою мглой.

За чѣмъ шоскуя
 Въ окно слѣжу я

Мятели лешь ?
Любимцу счастья
Кровь ошь ненашья
Оно даешь.
Огонь прескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пыль лешучій
Мнѣ веселяшъ
Безпечный взглядъ.
Въ пиши мечшаю
Передъ живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

О Провидѣнье
Благодаренье !
Забуду я
И дуновенье
Бурь бышій.
Скорбя душою,
Въ тоскъ моей,
Склонюсь главою
На сердце къ ней

И подъ мяшежной
Мяшелю бѣды,
Любовью нѣжной
Ея согрѣшь,
Забуду вскорѣ
Крушое горе,
Какъ въ эшошъ мигъ
Забыль природы
Гробовый ликъ
И непогоды
Мяшежный крикъ.

СХХІІІ.

Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь !
На хлопошы вшивая до звѣзды ,
Какой нибудь да пакосьюзначишь
Ты каждой день безъ цѣли, безъ нужды !
Ты самъ себя, и просишь и поделъ
Ипишимей зашѣйливой казнишь:
Забопливо полчешь ты уголь въ снупѣ
И шолько чшо лице свое пылишь.

СХХІV.

Старашельно мы наблюдаемъ свѣшъ,
Старашельно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ :
Какой же плодъ науки долгихъ лѣшъ ?
Чшò наконецъ подсмощряшъ очи зорки ?
Чшò наконецъ поймешъ надменный умъ
На вышшѣ всѣхъ опышовъ и думъ ,
Чшò ? шочный смыслъ народной поговорки.

СХХV.

Весна, весна! какъ воздухъ чишь!

Какъ ясень небосклонъ!

Своей лазурію живой

Слѣпишь мнѣ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко

На крыльяхъ вѣтерка,

Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,

Лешають облака!

Шумяшь ручьи! блестяшь ручьи!

Взревѣвъ, рѣка несешь

На шоржесшвующемъ хребтѣ

Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,

Но въ роцѣ вешкой листъ,

Какъ прежде, подь моею ногою,
И шумень и душишшь.

Подь солнце самое взвился
И въ яркой вышицѣ
Незримый, жавронокъ поешъ
Заздравный гимнь веснѣ.

Чшо съ нею, чшо съ моею душой?
Съ ручьемъ она ручей
И съ пшичкой пшичка! съ нимъ журчишь,
Лешаешь въ небѣ съ ней!

За чѣмъ шакъ радуешь ее
И солнце, и весна!
Ликуешь ли какъ дочь спихій
На пирѣ ихъ она?

Чшо нужды! счасшливъ, кшо на немъ
Забвенье мысли пьешъ,
Кого далеко опъ нее
Онъ дивный унесшъ!

СХХVI.

Своенравное прозванье
 Далъ я милой въ ласку ей :
 Безотщечное созданье
 Дѣтской нѣжности моей,
 Чуждо явнаго значенья,
 Для меня оно символъ
 Чувствъ, копорымъ выраженья
 Въ языкахъ я не нашёлъ.
 Всыхнувъ полное любовью
 И любви посвящено,
 Не хочу, чшобъ суесловью
 Было вѣдомо оно:
 Чшо въ немъ свѣшу? Но сомнѣнье
 Если духъ ей возмушишь,
 О, его въ одно мгновенье
 Это имя побѣдишь ;
 Но въ шомъ мѣрѣ, за могилой,
 Гдѣ нѣтъ образовъ, гдѣ нѣтъ

Для узнанья , другъ мой милой ,
Здѣшнихъ чувственныхъ примѣшь ,
Имъ безсмертье я привѣчу ,
Имъ къ тебѣ воскликну я
И душѣ моей на встрѣчу
Полетишь душа швоя .

СХХVII.

Хошя шы малой молодой ,
 Но пожилую мудрость кажешь :
 Ты слова лишняго не скажешь
 Въ бесѣдѣ самой распашной;
 Пріязни глупой съ первымъ встрѣчнымъ
 Ты съ горяча не заведешь,
 Къ ногамъ вершушки не падешь
 Ты паспушкомъ проспосердечнымъ;
 Воздержнымъ голосомъ швоимъ
 Никшо крикливо не хвалимъ ,
 Никшо сердишо не осужень.
 Всѣмъ эшимъ хваспашь не сѣши :
 Не рѣдкой умъ на эшо нуженъ ,
 Довольно дюжинной души.

СХХVIII.

Дѣшя мое , она сказала,
 Возмешь иль нѣшь мое кольцо ?
 И головою покачала ,
 Съ учасшьемъ глядя ей въ лицо.

Знай , друга дасшь тебѣ , дѣвица ,
 Кольцо счасшливое мое:
 Ты будешь думь его царица ,
 Его вшорое бышье.

Но договорь судьбой ревнивой
 Съ прекраснымъ даромъ сопряжонь,
 И красощь самолюбивой
 Тяжелъ , я знаю , будешь онь.

Свѣшь , къ ней суровый , не примѣшишь
 Ея привѣшливыхъ очей ,

Ея улыбку хладно вспрѣшишь
И не поймешь ея рѣчей.

Вошце ей разумъ , дарованья ,
И чувствъ и мыслей прямоша:
Ихъ свѣшь оставишь безъ вниманья,
Обезобразишь клевета.

И долго , долго сиротою
Она по соборищамъ людскимъ
Пойдешь съ поникшей головою,
Одна съ уныніемъ своимъ.

Но дѣвы нѣжной не обманешь
Мое счастливое кольцо :
Ей судія ея предстанешь
И процвѣшешь ея лицо.

Внимала дѣва молодая
Невиннымъ взоромъ весела
И шайный жребій свой рѣшая,
Кольцо съ улыбкою взяла.

Иди-жь съ надеждою веселой!
Творецъ себя благослови
На подвигъ долгой и тяжелой
Всезабывающей любви.

И до свершенья договора,
Въ швои ненаспливые дни
Когда нужна шебѣ опора,
Мнѣ, другъ мой, руку прощани.

СХХІХ.

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
 Въ дни необузданныхъ спрасшей,
 Со мною жилъ превратный геній
 Наперсникъ юности моей.
 Онъ жаръ восшорговъ несогласныхъ
 Во мнѣ пилалъ и раздувалъ;
 Но соразмѣрносшей прекрасныхъ
 Въ душѣ носилъ я идеаль:
 Когда лишь праздниковъ смяшенья
 Алкалъ безумецъ молодой,
 Поэша мѣрныя шворенья
 Блисшали спройной красошой.

Спрасшей порывы упихаюшь,
 Спрасшей мяшежныя мечшы
 Передо мной не зашмѣваюшь
 Законовъ вѣчной красошы;

И поэтического міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ,
И жизни даровашь, о лира!
Твое согласье захошѣлъ.

СХХХ.

ОТРЫВОКЪ.

ОНЪ.

Подъ эшой липою густою
 Со мною сядь, мой милый другъ;
 Смошри: какъ живо все вокругъ!
 Какой зеленой пеленою
 Къ рѣкѣ низходишь эшошь дугъ!
 Какая свѣжая дуброва
 Глядишся съ берега другова
 Въ ея веселое стекло!
 Какъ небо чисто и свѣшло!
 Все въ тишинѣ; едва смущаешь
 Живую сѣнь и чушкой шокъ
 Благоуханный вѣшерокъ:
 Онъ сердцу счастье навѣваешь!
 Молчишь ты!

ОНА.

О любезный мой!

Всегда я счастлива съ тобой
И каждый мигъ равно ласкаю.

ОНЪ.

Я съ умиленною душой
Красу шворенья созерцаю.
Ошь эшихъ водь, лѣсовъ и горъ
Я на эфирную обихель,
На небеса подъемаю взоръ .
И думаю: великъ Зиждишель,
Прекрасенъ мѣръ ! Когда же я
Вспомню шюю же порою ,
Чшо въ эшомъ мѣрѣ шы со мною ,
Подруга милая моя . . .
Нѣшь сладкимъ чувшвамъ выраженья
И не могу въ избынкѣ ихъ
Невольныхъ слезъ благодаренья
Ошановишь въ глазахъ моихъ.

ОНА.

Воздай тебѣ Создашель вѣчный !
О чемъ еще его молишь !

Ахъ ! объ одномъ : не переживишь
Тебя, другъ милый, другъ сердечный.

ОНЪ.

Ты грушной мыслию меня
Смушила. Такъ ! сегодня зрѣнье
Плѣняешь свѣтъ веселый дня,
Плѣняешь Божіе шворенье;
Теперь въ рукѣ моей, швою
Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю ,
Твой нѣжный взоръ я понимаю,
Твой сладкій голось узнаю....
А завтра.... завтра.... какъ ужасно !
Мершвецъ незряцій и глухой,
Мершвецъ холодный !... Лучъ дневной
Въ глаза ударишь мнѣ напрасно !
Вошце къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь:
Я не проснусь ! И что мы знаемъ ?
Не только завтра , сей же часъ
Меня не будешь ! Кшо изъ насъ

Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
Такою думой ?

ОНА.

Чшо съ тобой ?
За чѣмъ швое воображенье
Предупреждаетъ Провидѣнье ?
Богъ милосердъ, другъ милой мой !
Здоровы, молоды мы оба :
Еще далеко намъ до гроба.

ОНЪ.

Но все-жь умремъ мы наконецъ,
Все ляжемъ въ землю.

ОНА.

Чшо же, милой ?
Есть бышіе и за могилой,
Намъ общаль его Творецъ.
Спокойны будемъ : нѣшь сомнѣнья,
Мы въ жизнь другую перейдемъ,
Гдѣ намъ не будешь разлученья,

Гдѣ всѣ земныя опасенья
 Съ земною пылью ошрахнемъ.
 Ахъ ! какъ любить безъ этой вѣры.

ОНЪ.

Такъ, Всемогущій безъ нее
 Насъ искушалъ бы выше мѣры :
 Такъ, естъ другое бышье !
 Ужели нѣкогда погубишь
 Во мнѣ Онъ шо, что мыслишь, любишь,
 Чѣмъ Онъ созданье довершилъ ,
 Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ ,
 Мнѣ повшорилъ Онъ ошраженьемъ
 И самъ Себя изобразилъ ?
 Ужели Творческая сила
 Лукавымъ свѣшомъ бышя
 Мнѣ ужась гроба озарила,
 И только?... Нѣшъ, не вѣрю я.
 Чшо свѣшъ являешь? Пиръ неспройный !
 Презрѣнный власшвуешь ; досшойный
 Поникъ гонимую главою ;
 Несчастливь добрый, счастливь злой.
 Какъ ! не шерпящая смѣшенья
 Въ слѣпыхъ сшихяхъ вещества,

На хаосъ нравственнѣй воззрѣнья
 Не бросишь мудрость Божества !
 Какъ ! между братьями своими
 Мы видимъ правыхъ и благихъ,
 И превзойдешь дѣшми людскими,
 Не правъ, не благъ Создатель ихъ ? . . .
 Нѣтъ ! мы въ юдоли испытанья
 И есть обидель воздаянья :
 Тамъ , за могильнымъ рубежемъ ,
 Сіяетъ день незаходимый,
 И оправдаешь Незримый
 Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

ОНА.

Зачѣмъ въ такія размышленья
 Ты погружаешься душой ?
 Ужели нужны, милый мой,
 Для убѣжденныхъ убѣжденья ?
 Премудрость вышняго Творца
 Не намъ изслѣдовать и мѣришь :
 Въ смиреніи сердца надо вѣришь
 И шершаво ждешь конца.

Пойдемъ: грусна я въ самомъ дѣлѣ,
И отъ мясежныхъ словъ швоихъ,
Я признаюсь, во мнѣ доселѣ
Сердечный шрепешъ не зашихъ.

СХХХІ.

Бывало, опрокъ, звонкимъ кликомъ
 Лѣсное эхо я будиль,
 И вѣрный ошкликъ въ лѣсѣ дикомъ
 Меня смяшенно веселилъ.
 Пора другая наступила
 И рифма юношу плѣнила
 Лѣсное эхо замѣня.
 Игра стиховъ, игра злая !
 Какъ звуки звукамъ опвѣчая
 Бывало нѣжили меня !
 Но все проходишь. Ошываю
 Я и къ гармоніи стиховъ
 И какъ дубровъ не окликаю,
 Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Финляндія.....	5
II. Порою ласковую Фею.....	9
III. Завыла буря; хлябь морская.....	10
IV. Я возвращаюся къ вамъ, поля моихъ ошцовъ....	12
V. Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластни- шель.....	15
VI. О счастья съ младенческаго шоскуя.....	16
VII. Наслаждаешься : все проходишь.....	19
VIII. Люблю я красавицу.....	20
IX. Леша.....	22
X. Разспались мы ; на мигъ очарованьемъ.....	23
XI. Къ чему невольнику мечтанія свободы?.....	24
XII. Разсвѣиваешь грусть веселый шумъ пировъ.....	25
XIII. Пѣсня.....	26
XIV. Приманкой ласковыхъ рѣчей.....	28
XV. Паденіе лисшьевъ.....	29
XVI. Любви примѣшны.....	32
XVII. Зачѣмъ, о Делія! сердца младя, шы.....	33
XVIII. Когда-бъ избрашь возможно было мнѣ.....	35
XIX. Гдѣ шы, безпечный другъ? гдѣ шы, о Дельвигъ мой.	36
XX. Желанье счастья въ меня вдохнули боги.....	39
XXI. Мнѣ съ упоеніемъ замѣшнымъ.....	40
XXII. Цвѣшокъ.....	43
XXIII. Чшо пользы вамъ ошъ шумныхъ вашихъ преній.	45
XXIV. Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ.....	46
XXV. Языкову.....	47
XXVI. Онъ близокъ, близокъ день свиданья.....	49
XXVII. Перелешай къ веселью ошъ веселья.....	50
XXVIII. И шакъ, мой милый, не шушя.....	51

	Стран.	
XXIX.	Мила какъ Грація, скромна.....	53
XXX.	Въ дорогу жизни снаряжая.....	54
XXXI.	Глуцы не чужды вдохновенья.....	55
XXXII.	Когда неопытенъ я былъ.....	56
XXXIII.	Г-чу.....	57
XXXIV.	Неизвинительной ошцбкой.....	61
XXXV.	Дало двѣ доли Провидѣніе.....	63
XXXVI.	Одинъ, и пасмурный душою.....	65
XXXVII.	Въ борьбѣ съ тяжелой судьбой.....	67
XXXVIII.	Лушковскому.....	68
XXXIX.	Когда печалью вдохновенный.....	71
XL.	Нѣтъ, обманула васъ молва.....	73
XLI.	Поэтеръ, мой милый! швой Поэтеръ.....	74
XLII.	Тебя изъ шмы не изведу я.....	76
XLIII.	Какъ много шы, въ немного дней.....	78
XLIV.	Храни свое неопасенъе.....	79
XLV.	Вчера ненаспливая ночь.....	80
XLVI.	Незнаю! милая, незнаю!.....	81
XLVII.	Богдановичу.....	82
XLVIII.	Очарованъе красоты.....	87
XLIX.	Какъ сладить съ глупосшью глунца.....	89
L.	Идилликъ новый на искусств.....	90
LI.	Такъ! ошспавнаго шалуна.....	90
LII.	По замѣчанью моему.....	92
LIII.	Шуми, шуми съ крушой вершины.....	93
LIV.	Она придетъ! къ ея ушамъ.....	95
LV.	На кровы ближняго селенья.....	96
LVI.	Елизійскія поля.....	97
LVII.	Сей поцѣлуй, дарованный шобой.....	100
LVIII.	Тебѣ на память, въ книгѣ сей.....	101
LIX.	Когда взойдешъ денница золошая.....	103
LX.	Окогченная лешунья.....	105
LXI.	И. И. Гнѣдичу.....	106
LXII.	Взгляни на лмкъ холодный сей.....	111
LXIII.	Прощай, ошчизна непогоды.....	112
LXIV.	Чувшвишельны мнѣ дружескія пѣни.....	114

LXV.	Я посѣшилъ тебя, пльнишельная сѣшь.....	115
LXVI.	Когда исчезнешь омраченье.....	119
LXVII.	Напрасно мы, Дельвигъ, мечшаемъ найдши....	121
LXVIII.	О своеправная Аглая!.....	123
LXIX.	Люблю деревню я и лѣшо.....	125
LXX.	Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышешъ.....	126
LXXI.	Рука съ рукой Веселье, Горе.....	127
LXXII.	Рѣшишельно, печальныхъ спрокъ моихъ.....	128
LXXIII.	Ты ропщешъ, важный журналистъ.....	130
LXIV.	Дельвигу.....	131
LXXV.	Мы пьемъ въ любви опрау сладкую.....	134
LXXVI.	Пріашель строгой, шы не правъ.....	135
LXXVII.	К. З. А. Волконской.....	137
LXXVIII.	Не бойся ѣдкихъ осужденій.....	139
LXXIX.	Тебѣ я младосшь шаловливу.....	140
LXXX.	Поешъ Писцовъ въ стихахъ шжеловашъ.....	141
LXXXI.	Чшобъ очаровывашъ сердца.....	142
LXXXII.	Разувѣреніе.....	145
LXXXIII.	А. А. Ф...ой.....	147
LXXXIV.	Живи смѣлѣй, шоварищъ мой.....	149
LXXXV.	Не шрогайше Парнаскаго пера.....	151
LXXXVI.	Спарикъ.....	152
LXXXVII.	Хвала, масшитый нашъ Зоиль!.....	154
LXXXVIII.	Подражаніе Лафару.....	155
LXXXIX.	Я безразсуденъ—и не диво!.....	157
XC.	Д. Давыдову.....	160
XCI.	Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріашенъ.....	162
XCII.	Взгляните: свѣжешью молодой.....	164
XCIII.	Пришворной вѣжносши не шребуй отъ меня.....	165
XCIV.	Аврорѣ III.	168
XCV.	Чудный градъ порой сольешся.....	169
XCVI.	Я не любилъ ее, я зналъ.....	170
XCVII.	Изъ А. Шенье.....	172
XCVIII.	Взгляни на звѣзды: много звѣздъ.....	173
XCIX.	Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.....	175
C.	Пора покинушь, милый другъ.....	176

СІ.	Не подражай: своеобразень геній.....	178
СІІ.	Въ глуши лѣсовъ счастливь одинь.....	179
СІІІ.	Повѣрь, мой милый другъ, спрдаанье нужно намъ.....	184
СІV.	На звукъ цѣвницы голосистой.....	185
СV.	Не ослѣпленъ я музою моею:.....	185
СVІ.	Черепъ.....	186
СVІІ.	О мысль! шебѣ удѣль цѣвшка:.....	188
СVІІІ.	Судьбой наложенныя цѣпи.....	189
СІХ.	Ешь грошь: Наяда шамъ въ полдневные часы.	192
СХІІ.	Мадона.....	193
СХІІІ.	О, вѣрь: ты нѣжная дороже славы мнѣ.....	197
СХІV.	Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ.....	198
СХV.	Мой неискусный карандашъ.....	199
СХVІ.	Послѣдняя смершь.....	200
СХVІІ.	К. А. Сербеевой.....	205
СХVІІІ.	Слыхаль я, добрые друзья.....	207
СХVІІІ.	Ешь милая спрана, ешь уголь на землѣ.....	210
СХVІІІ.	При посылкѣ бала С. Э.....	212
СХІХ.	На смершь Геше.....	215
СХХ.	К. А. Тимашевой.....	216
СХХІ.	Не славь обманушый Орфей.....	217
СХХІІ.	Гдѣ сладкой шопощъ.....	218
СХХІІІ.	Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь.....	221
СХХІV.	Спарашельно мы наблюдаемъ свѣшъ.....	222
СХХV.	Весна, весна! какъ воздухъ чистъ.....	223
СХХVІ.	Своенравное прозванье.....	225
СХХVІІ.	Хошя ты малой молодой.....	227
СХХVІІІ.	Дшя мое, она сказала.....	228
СХХІХ.	Въ дни безграничныхъ увлеченій.....	231
СХХХ.	Ошривокъ.....	233
СХХХІ.	Бывало, ошрокъ, звонкимъ кликомъ.....	240

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:

Читай:

Стр. Стих.

- 49 9 Не ропщете: все прохо- Не ропщете: все проходите!
дите,
76 45 И въ немъ, прохладнымъ И въ немъ, прохладнымъ
духовенемъ, дуновенемъ,
118 2 и 3 Гдѣ въ сладостной шѣни Гдѣ въ сладостной шѣни не-
вянущихъ дубровъ вянущихъ дубровъ,
У нескудбющихъ ручьевъ У нескудбющихъ ручьевъ,
224 5 Ты самъ себя, и проси Ты самъ себя и проси и
и поделъ поделъ купи,

ПРОДАЕТСЯ

Въ Москвѣ: у А. С. ПИГРЕВА.

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ: у А. Ф. СМЕРДИНА.

Цѣна 2 части 12 руб. ассигн.

В7001-
2004